

Монна Ванна.

Пьеса въ трехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Гвидо Колонна, комендантъ крѣпости въ Пизѣ.

Марко Колонна, отецъ Гвидо.

Принцивалле, капитанъ на флорентинской службѣ

Тривульцио, комисарь флорентинской республики

Борсо, лейтенантъ Гвидо.

Торелло, лейтенантъ Гвидо.

Ведю, секретарь Принцивалле.

Джованна (Монна Ванна), жена Гвидо.

Граждане, солдаты, крестьяне, мужчины и женщины изъ народа и т. д.

Первое и третье дѣйствія въ Пизѣ, второе—передъ го родомъ.

Конецъ XV вѣка.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Залъ въ дворцѣ Гвидо Колонна.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Гвидо, Борсо и Торелло.

Бесѣдуютъ у открытаго окна, от
куда видны окрестности Пизы.

Гвидо. Крайность, до которой мы доведены, заставила Сеньорію сообщить мнѣ злополучныя вѣсти, которыя она долго скрывала отъ насъ. Двѣ арміи, посланныя намъ на помощь Венеціей, сами осаждены флорентійцами, — одна въ Биббіенѣ, другая—въ Эльчи. Проходы въ Верніи, Кіузи, Монталоне, Ареццо и всѣ выходы Казентина въ рукахъ непріятеля. Мы отрѣзаны отъ остального міра и отданы на произволъ ненависти Флоренціи, а, переставъ дрожать, она—безпощадна. Наши солдаты и народъ еще не знаютъ объ этихъ пораженіяхъ; но все болѣе и болѣе тревожные слухи разносятся. На что они пойдутъ, когда узнаютъ правду? Ихъ гнѣвъ и отчаянный ужасъ всею силою обрушится на насъ и на Сеньорію... Три мѣсяца осады, безполезнаго героизма, голода и лишеній, какія до сихъ поръ выпадали на долю немногихъ городовъ, довели ихъ до

отчаянія и изступленія. Единственная надежда, которая еще кое-какъ поддерживала въ нихъ ворчливое повиновеніе, скоро рухнетъ; вспыхнетъ возстаніе, непріятель воротится къ намъ,—а тамъ конецъ Пизѣ...

Борсо. У моихъ людей не осталось ничего... Ни одной стрѣлы, ни одной пули... И тщетно переворачивать всѣ бочки въ подвалахъ, чтобы найти въ нихъ хоть бы нѣсколько унцій пороха.

Торелло. Вчера я выпустилъ нашъ послѣдній снарядъ въ батарею Св. Антонія и въ башню Стампаче; а съ одиѣми шпагами даже страдѣюты отказываются выходить на валы.

Борсо. Посмотрите, какую брешь пробили пушки Принцивалле въ стѣнѣ, которую защищаль венеціанскій вспомогательный отрядъ... Пятьдесятъ сажень въ ширину; въ нее свободно пройдетъ цѣлое стадо барановъ... Тутъ ужъ никто не устоитъ; къ тому же романская пѣхота, славяне и албанцы заявили мѣ, что, если капитуляція не будетъ подписана сегодня вечеромъ, они дезертируютъ.

Гвидо. Въ теченіе десяти дней Сеньорія уже трижды отправила трехъ старѣйшихъ членовъ для переговоровъ о сдачѣ; они какъ въ воду канули...

Торелло. Принцивалле не проститъ намъ смерти своего лейтенанта Антонио Рено, растерзаннаго на нашихъ улицахъ разъяренной толпой. Пользуясь этимъ, Флоренція объявляетъ насъ внѣ закона и намѣрена поступить съ нами, какъ съ варварами.

Гвидо. Я послалъ своего отца объяснить и просить извинить дикій поступокъ озвѣрѣвшей толпы, которую мы не въ состояніи были удержать. Это былъ священный заложникъ... Онъ не вернулся...

Борсо. Вотъ уже больше недѣли, какъ городъ открыть со всѣхъ сторонъ, стѣны превращены въ развалины и наши пушки замолчали. Почему же Принцивалле не идетъ на приступъ? Бойтся какой-нибудь засады. У него не хватаетъ храбрости? или Флоренція издала тайный приказъ?

Гвидо. Распоряженія Флоренціи всегда таинственны; зато ея намѣренія ясны. Пиза слишкомъ долго была вѣрной союзницей Венеціи и подавала небольшимъ городамъ Тосканы дурной примѣръ и, стало быть, Пизанская республика должна исчезнуть. Хитростью и уловками мало-помалу ожесточили эту войну, вызывая безпримѣрныя звѣрства и вѣроломство, чтобы оправдать послѣдующую мстительность. Я не безъ основанія подозреваю, что именно ихъ комиссары и подстрекнули нашихъ поселянъ къ умерщвлению Рено. Съ меньшимъ умысломъ она устремила на насъ самага жестокаго изъ своихъ наемниковъ, этого дикаря Принцивалле, который зловѣщимъ образомъ прославился при разграбленіи Піаченцы, гдѣ, истребивъ, нечаянно, какъ говорится, всѣхъ вооруженныхъ мужчинъ, онъ продалъ въ рабство пять тысячъ свободныхъ женщинъ.

Борсо. Въ данномъ случаѣ ошибаются. Рѣзней и продажей распорядился не Принцивалле, а флорентійскіе комиссары. Я никогда не видалъ Принцивалле, но одинъ изъ моихъ братьевъ знавалъ его. Онъ варваръ по происхожденію; его отецъ былъ не то баскъ, не то бретонецъ и имѣлъ въ Венеціи ювелирную лавчонку. Онъ простолюдинъ родомъ, это — правда, но онъ не дикарь, какъ думаютъ. Онъ, говорятъ, жестокъ, своенравенъ, развратенъ, опасенъ, но прямодушенъ; и я спокойно отдалъ бы ему свою шпагу...

Гвидо. Не отдавайте ее, пока она еще может защитить васъ. Мы увидимъ его въ дѣлѣ, и тогда мы будемъ знать, кто изъ насъ правъ. А пока намъ остается испробовать судьбу тѣхъ, которые не хотятъ дать себя зарѣзать, даже не вскинувъ головой и не поднявъ руки. Прежде всего нужно сказать солдатамъ, гражданамъ и бѣжавшимъ поселянамъ всю правду. Они должны твердо знать, что намъ предлагаютъ сдаться; что больше нѣтъ рѣчи объ одной изъ этихъ миролюбивыхъ войнъ, гдѣ двѣ громадныхъ арміи дрались съ разсвѣта до захода солнца, чтобы оставить на полѣ битвы какихъ-нибудь трехъ раненыхъ; ни объ одной изъ тѣхъ братскихъ осадъ, гдѣ побѣдитель тотчасъ же становился гостемъ и самымъ желаннымъ другомъ побѣжденнаго. Это—безпощадная борьба, гдѣ жизнь и смерть стоятъ лицомъ къ лицу, гдѣ наши жены, наши дѣти...

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Тѣ же, Марко

Входитъ Марко. Гвидо замѣчаетъ его и бѣжитъ ему навстрѣчу, чтобы обнять его.

Гвидо. Отецъ!.. Какое счастье среди нашего великаго горя, какое счастливое чудо привело васъ назадъ, когда я уже оставилъ всякую надежду! Вы не ранены?.. Вы ходите съ трудомъ!.. Они васъ подвергли пыткамъ? Вы бѣжали? Что они сдѣлали съ вами?..

Благъ Господь!

Марко. Ничего! Благъ Господь! Они вовсе не варвары... Они приняли меня, какъ принимаютъ гостя, котораго

чтуть. Принцивалле читалъ мои сочиненія; онъ говорилъ со мною о трехъ діалогахъ Платона, которые я открылъ и перевелъ. А если мнѣ трудно ходить, такъ это потому, что очень старъ и совершилъ далекій путь... Знаете, кого я встрѣтилъ въ палаткѣ Принцивалле?

Гвидо. Догадываю съ: безжалостныхъ комиссаровъ Флоренци...

Марко. Да, правда; и ихъ также, вѣрнѣе, одного изъ нихъ; я видѣлъ только одного... Но первый, кого мнѣ тамъ назвали, былъ Марчилле Фичинъ, почтенный ученый, открывшій Платона... Марчилле Фичинъ это—душа Платона, вновь сошедшая на землю!.. Я отдалъ бы десять лѣтъ жизни за то, чтобы увидать его, прежде чѣмъ уйти туда, куда уходятъ всѣ люди... Мы были точно два брата, которые, наконецъ, встрѣтились... Говорили о Гезіодѣ, объ Аристотелѣ, о Гомерѣ... Онъ откопалъ глубоко въ пескѣ, въ оливковой рощѣ, близъ лагеря, на берегу Арно, торсъ богини, такой дивной красоты, что, увидѣвъ его, вы забыли бы о войнахъ... Мы продолжали вмѣстѣ раскопки; онъ нашелъ руку, я откопалъ двѣ кисти, такія тонкія, такихъ чистыхъ очертаній, точно онѣ были созданы для того, чтобы вызывать улыбки, разсыпать росу и ласкать зарю... У одной изъ нихъ былъ такой стибъ, какой принимаютъ легкіе пальцы, когда ласкаютъ грудь; другая же еще сжимала рукоятку зеркала...

Гвидо. Отецъ, нельзя забывать, что народъ умираетъ отъ голода; что ему не до тонкихъ рукъ и бронзовыхъ торсовъ...

Марко. Торсъ былъ мраморный...

Гвидо. Пусть такъ, но будемъ лучше говорить о тридцати тысячахъ жизней, которая можетъ погубить неосто-

рожность, одна минута опозданія, а мѣткое слово, хорошая вѣсть можетъ спасти. Вѣдь не ради торса и обломковъ двухъ рукъ вы отправились туда... Что они сказали вамъ? Какъ поступать съ нами, Флоренція или Принцивалле? Говорите же скорѣе!.. Чего они ждуть? Вы слышите этихъ несчастныхъ, которые кричатъ подъ нашими окнами? Они вырываютъ другъ у друга траву, пробивающуюся межъ камней...

МАРКО. Правда. Я забылъ, что вы воюете, когда рождается весна, когда небо дышетъ счастьемъ, какъ пробуждающійся царь, когда море вздымается, точно чаша свѣта, которую богиня лазури протягиваетъ богамъ лазури, когда земля такъ прекрасна и такъ любитъ людей!.. Но у васъ свои радости: я слишкомъ распространяюсь о своихъ. Къ тому же, вы правы; и мнѣ слѣдовало бы тотчасъ же сообщить вамъ вѣсть, съ которою я прихожу... Она спасаетъ тридцать тысячъ жизней, сокрушивъ одну; зато она предоставляетъ ей самый благородный случай покрыть себя славой, которая кажется мнѣ болѣе чистой, чѣмъ любая военная слава... Любовь къ одному существу—счастье и похвала; но возвышающая любовь лучше... Бдительная стыдливость и вѣрность—прекрасныя добродѣтели; но бываютъ дни, когда они кажутся маленькими, если взглянуть иначе... Такъ вотъ... Но не теряйте самообладанія съ первыхъ словъ,—вы отрѣжете себѣ путь къ отступленію,—и не давайте этихъ клятвъ, которыя связываютъ разсудокъ, когда онъ могъ бы совладать съ собой.

Гвидо дѣлаетъ офицерамъ знакъ удалиться. Оставьте насъ...

МАРКО. Нѣтъ, останьтесъ... Рѣшается судьба всѣхъ насъ... Я хотѣлъ бы, напротивъ, чтобы въ эту залу со-

брались всѣ жертвы, которыя намъ предстоитъ спасти; чтобы всѣ несчастные, которымъ мы принесли облегченіе, слушали у оконъ, чтобы до всѣхъ дошла и навсегда въ нихъ запечатлѣлась спасительная вѣсть, которую я принесъ; потому что я приношу спасеніе, если только приметъ его разумъ; и десять тысячъ разумныхъ доводовъ едва ли уравниваютъ одно слишкомъ тяжелое заблужденіе, вѣско-сти котораго я боюсь, тѣмъ болѣе, что и я самъ..

Гвидо. Отецъ, я васъ прошу, оставьте эти загадки. Что требуетъ столько словъ?.. Мы можемъ выслушать все, къ намъ близокъ часъ, когда уже ничто не изумляетъ...

Марко. Такъ вотъ, я видѣлъ Принцивалле, говорилъ съ нимъ. Какъ страненъ и обманчивъ образъ человѣка, когда его рисуютъ тѣ, кто боится! Я входилъ какъ Пріамъ въ палатку Ахиллеса... Я думалъ встрѣтить какого-нибудь варвара, надменнаго, безтолковаго, всегда обогрѣннаго кровью, или пьянаго; что-нибудь въ родѣ безумца, какимъ его представляютъ, геній котораго, откуда ни возмись, металъ на поляхъ битвъ губительныя молніи... Я думалъ, что встрѣчу демона сраженій, слѣпого, необузданнаго, жестокаго и тщеславнаго, вѣроломнаго и раздѣннаго раз-вратомъ...

Гвидо. Но вѣдь Принцивалле таковъ и есть, исклю-чая вѣроломство...

Борсо. Да, правда, онъ честенъ, хотя и на службѣ у Флоренціи. Онъ дважды доказалъ намъ это...

Марко. И вмѣсто этого я увидѣлъ человѣка, который преклонился предо мною, какъ взволнованный ученикъ преклоняется передъ учителемъ. Онъ образованъ, преданъ мудрости и жаденъ до знанія. Онъ умѣетъ по-долгу слу-

шать и обнаруживает чуткость ко всему прекрасному. Въ улыбкаѣ его свѣтится умъ, онъ мягокъ и человѣченъ, онъ не любитъ войны. Онъ отыскиваетъ истинный смыслъ страстей и вещей. Умѣетъ заглянуть въ самого себя. Въ немъ глубоко развиты совѣсть и искренность, а въродомной республикѣ онъ служитъ скрѣпя сердце. Случайности жизни, быть можетъ—судьба сдѣлала его воиномъ, и продолжаютъ приковывать его къ славаѣ, которая ему ненавистна, и отъ которой онъ намѣренъ отречься; но не прежде, чѣмъ утолить одно желаніе; одно изъ тѣхъ сумрачныхъ желаній, какія бываютъ у нѣкоторыхъ людей, родившихся, должно быть, подъ грозной звѣздой единой, великой и несбыточной любви....

Гвидо. Отецъ, не забывайте, какъ мучительно ожиданіе для тѣхъ, кто умираетъ отъ голода. Оставимъ безъ вниманія эти бесполезныя для насъ качества. Произнесите наконецъ слово спасенія, которое вы обѣщали.

Марко. Да, правда, можетъ быть я медлю безъ всякаго основанія... И какъ бы это слово ни было жестоко для двухъ существъ, которыхъ я глубже всего люблю на этой землѣ...

Гвидо. Я мирюсь со своей долей, но кто долженъ нести другую?

Марко. Слушайте же, я готовъ... Когда я шелъ сюда, это казалось мнѣ необычайнымъ, труднымъ; но вѣроятность спасенія казалась такою чудодѣйственной...

Гвидо. Говорите же!

Марко. Флоренція рѣшила уничтожить насъ. Военные децемвиры признали это необходимымъ, и Сеньорія одобрила ихъ рѣшеніе. Оно безповоротно. Но лицомѣрной и

осторожной Флоренции не хотѣлось бы запятнать себя въ глазахъ міра, который она цивилизуетъ, слишкомъ кровавою побѣдою. Она будетъ утверждать, что Пиза отказалась отъ великодушно предложенной сдачи. Городъ будетъ взятъ приступомъ. Противъ насъ двинутъ испанскихъ и нѣмецкихъ наемниковъ. А имъ-то нѣтъ надобности давать какія-нибудь спеціальныя приказанія, когда дѣло идетъ о насиліяхъ, грабежѣ, поджогахъ, рѣзнѣ... Имъ достаточно выйти изъ повиновенія своимъ начальникамъ... А начальники постараются оказаться безсильными въ этотъ день... Вотъ участь, которую намъ готовятъ. И городъ Красной Лиліи *) первый оплатитъ эту кровавую рѣзню, если ея жестокость превзойдетъ всякія ожиданія, и свалитъ все на непредвидѣнную разнузданность случайныхъ солдатъ и съ видомъ отвращенія тутъ же распуститъ ихъ, такъ какъ, уничтоживъ насъ, она получитъ возможность обойтись безъ ихъ помощи.

Гвидо. Я узнаю Флоренцію.

Марко. Таковы секретныя и словесныя распоряженія, переданныя Принцивалле комиссарами Республики. Вотъ уже восемь дней какъ они торопятъ его сдѣлать этотъ рѣшительный приступъ... До сихъ поръ онъ подъ разными предлогами оттягивалъ его. Съ другой стороны, онъ перехватилъ письма, въ которыхъ комиссары, слѣдяшіе на малѣйшимъ его движеніемъ, обвиняютъ его предъ Сеньоріей въ измѣнѣ. Когда Пиза будетъ разрушена, и война кончена, судъ, пытка и смерть ждутъ его во Флоренции,

*) Красная Лилія—гербъ г. Флоренціи.

какъ ожидали ни одного опаснаго полководца. Онъ стало быть знаетъ свою участь.

Гвидо. Хорошо. Что же онъ предлагаетъ?

Марко. Онъ ручается,—насколько вообще можно ручаться за чувство этихъ непостоянныхъ дикарей, — онъ ручается за часть стрѣлковъ, которыхъ онъ самъ на вербовалъ. Во всякомъ случаѣ, онъ спокоенъ за стражу въ сто человѣкъ, которая образуетъ зерно его войска, и которая ему вполне предана. И вотъ, онъ вамъ предлагаетъ привести въ Пизу всѣхъ, кто только захочетъ пойти за нимъ, чтобы защищать ее противъ арміи, которую онъ покидаетъ.

Гвидо. Не въ людяхъ у насъ недостатокъ, не нужны намъ эти опасные союзники. Пусть намъ дадутъ пули, порохъ и съѣстные припасы.

Марко. Такъ! Онъ предвидѣлъ, что вы отвергнете предложеніе, которое можетъ показаться подозрительнымъ. И потому онъ обяжется ввести въ городъ только что прибывшій въ его лагерь обозъ изъ трехсотъ повозокъ съ оружіемъ и съѣстными припасами.

Гвидо. Какъ онъ это сдѣлаетъ?

Марко. Не знаю.—Я ничего не понимаю въ военныхъ и политическихъ хитростяхъ. — Но онъ дѣлаетъ все, что хочетъ. Не смотря на флорентійскихъ комиссаровъ, онъ единственный господинъ въ своемъ лагерѣ, пока Сеньорія не отозвала его. — А она не посмѣетъ отозвать его накануне побѣды отъ войска, которое уже держитъ добычу въ своихъ рукахъ и вѣритъ ему. Флоренціи приходится ждать, пока пробьетъ его часъ...

Гвидо. Пусть такъ! Я понимаю, что онъ хочетъ насъ спасти, чтобы спастись самому и отомстить. Но онъ могъ

бы это сдѣлать болѣе блестящимъ и болѣе искуснымъ образомъ. Зачѣмъ ему осыпать дарами своихъ враговъ? Чего же онъ требуетъ взаменъ?

Марко. Вотъ, сынъ мой, мгновеніе, когда слова становятся жестокими и властными!... Вотъ мгновеніе, сынъ мой, когда два-три слова вдругъ приобретаютъ силу рока и намѣчаютъ свои жертвы... Я боюсь, что звукъ моего голоса, то, какъ я ихъ произнесу, могутъ повлечь за собой столько смертей, или же спасти столько жизней...

Гвидо. Не могу понять. Самыя жестокія слова ничего не могутъ прибавить къ наличному несчастью...

Марко. Я уже сказалъ вамъ: Принцивалле кажется мудрымъ; онъ разсудителенъ и человѣченъ... Но у какого мудреца нѣтъ своего безумія; и какой добрый человѣкъ никогда не лелѣялъ въ себѣ чудовищной мысли? Направо— благоразуміе, состраданіе, справедливость; налѣво же всеѣмъ иное: желаніе, страсть, какъ мнѣ знать? Безуміе, въ которое все мы впадаемъ безъ конца. Я самъ впадалъ въ него, и вы, можетъ быть, впадете. Я вновь впаду... Такъ уже созданъ человѣкъ. Васъ готова постигнуть скорбь, которая не должна бы стать человѣческой скорбью... Я ясно вижу, что она не будетъ соответствовать той боли, которая ее вызоветъ, и я далъ обѣщаніе еще болѣе безумное, чѣмъ эта безумная скорбь... И это безумное обѣщаніе будетъ самымъ безумнымъ образомъ сдержано мудрецомъ, какимъ я хотѣлъ быть, и кто сейчасъ вотъ говорилъ во имя разсудка... Я обѣщаль вернуться въ непріятельскій лагерь, если вы отвергнете предложеніе... Что ждетъ меня тамъ? Возможно, что пытка и смерть будутъ наградою за безумную честность... И все-таки я пойду туда... Я могу

сказать себѣ, что это остатокъ безумія, которое я прикрасиваю, чтобы обмануть себя; я совершу безуміе, которое презираю, потому что не нахожу въ себѣ достаточно силъ слѣдовать своему разсудку... Но я все еще не сказалъ вамъ... Ахъ, смотрите, я терзаюсь, я пугаюсь въ выраженіяхъ, нагромождаю слова, только бы немного отодвинуть рѣшительную минуту... Но, можетъ быть, я напрасно такъ сомнѣваюсь въ васъ? Такъ слушайте же: этотъ громадный обозъ, который я видѣлъ, всѣ эти съѣстные припасы; повозки, нагруженныя зерномъ, другія виномъ, плодами и овощами; стада барановъ и стада быковъ, которыми можно прокормить народъ въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ; всѣ эти бочки съ порохомъ и слитки свинца, которыя дадутъ побѣду надъ Флоренціей и новый расцвѣтъ Пизы; — все это сегодня же вечеромъ войдетъ въ нашъ городъ, если вы пошлете въ обмѣнъ, чтобы отдать ее Принцивалле на одну только ночь, такъ какъ съ первымъ проблескомъ зари онъ вернетъ ее назадъ... Но онъ требуетъ, чтобы въ знакъ побѣды и покорности она пришла къ нему одна и нагая, прикрытая лишь плащомъ...

Гвидо. Но кто? Ктъ же долженъ прийти къ нему?

Марко. Джованна...

Гвидо. Кто? Моя жена? Джованна?

Марко. Да, твоя Джованна... Я сказалъ!...

Гвидо. Но почему Джованна; если есть и такія желанія? Найдутся вѣдь тысячи женщинъ...

Марко. Потому что она прекраснѣе всѣхъ, и онъ любить ее..

Гвидо. Онъ ее любитъ? Гдѣ же онъ ее видѣлъ? Вѣдь онъ ея не знаетъ...

Марко. Видѣлъ, знаетъ; но онъ не хотѣлъ сказать мнѣ, съ какихъ поръ и какъ...

Гвидо. Но она-то видѣла его? Гдѣ онъ ее встрѣчалъ?..

Марко. Она никогда не видала его; или же не помнить объ этомъ...

Гвидо. Какъ вы можете это знать?

Марко. Она сама сказала мнѣ.

Гвидо. Когда?

Марко. Прежде, чѣмъ я пошелъ къ тебѣ.

Гвидо. И вы ей сказали?

Марко. Все.

Гвидо. Все? Что же? Обо всей этой гнусной сдѣлкѣ?.. И вы посмѣли?

Марко. Да.

Гвидо. Что же она отвѣтила?

Марко. Она ничего не отвѣтила. Она поблѣднѣла и ушла, не вымолвивъ ни слова...

Гвидо. Да, я предпочитаю это... Она могла бы вскопчить, плюнуть вамъ въ лицо или свалиться у вашихъ ногъ... Но я предпочитаю это... Поблѣднѣть и удалиться. Такъ поступили бы ангелы... Я узнаю Джованну... Не нужно было словъ, и мы, тоже ничего не будемъ больше говорить. Мы скоро опять займемъ свои мѣста на позиціяхъ. И если нужно будетъ тамъ умереть, мы умремъ, не запятнавъ себя отступленіемъ.

Марко. Сынъ мой, я понимаю тебя. Это испытаніе и для меня почти столь же мучительно, какъ для тебя. Но ударъ уже грянулъ. Дадимъ разуму срокъ указать настоящее мѣсто нашему страданію и долгу каждаго изъ насъ.

Гвидо. По отношенію къ этому чудовищному предложенію можетъ быть одинъ только долгъ. И каждая минута размысленія только увеличить ужасъ, внушаемый имъ...

Марко. И все-таки, спроси себя, имѣшь ли ты право обречь на смерть цѣлый народъ, чтобы отсрочить на нѣсколько печальныхъ часовъ неизбѣжное зло, потому что, когда городъ будетъ взятъ, Джованна окажется во власти побѣдителя.

Гвидо. Нѣтъ. Это ужъ мое дѣло.

Марко. Пусть такъ, но тысячи жизней, сознайся, это много! Можетъ быть, даже слишкомъ. Сознайся-же это несправедливо! Если бы отъ этого выбора зависѣло только твое счастье, и ты предпочелъ бы смерть, я понималъ бы это. Хотя я приблизился къ предѣлу жизни, и видѣлъ много людей и, стало быть, много человѣческаго горя, но я нахожу, что неблагоприятно предпочитать смерть, эту ужасную, холодную смерть, съ ея вѣчнымъ молчаніемъ какому бы то ни было, даже самому сильному физическому или нравственному страданію, которое можетъ замедлить ея приходъ... Но вѣдь здѣсь рѣчь о тысячахъ жизней; здѣсь рѣчь о братьяхъ по оружію, о женщинахъ и дѣтяхъ... Сдѣлай то, о чемъ просить тебя безумецъ, и то, что тебѣ кажется чудовищнымъ, покажется героизмомъ тѣмъ, которые будутъ жить послѣ тебя и будутъ смотрѣть на твой поступокъ болѣе спокойными глазами, болѣе справедливо и человѣчно. Повѣрь мнѣ, все—ничто въ сравненіи съ жизнью, которую спасаешь; всѣ добродѣтели, всѣ людскіе идеалы, все, что зовутъ честью, вѣрностью,—все это дѣтская игра въ сравненіи съ нею. Ты хочешь остаться чи-

стымъ въ страшномъ испытаніи и выдержать его, какъ герой. Но какое заблужденіе думать, что у героизма нѣтъ другой высоты, кромѣ смерти. Больше всего героизма въ томъ поступкѣ, который стоитъ наибольшаго страданія; а какъ часто смерть менѣе сурова, чѣмъ жизнь!

Гвидо. Вы—мой отецъ?

Марко. И горжусь этимъ. И если я теперь борюсь съ тобою, то вѣдь я борюсь и съ самимъ собою; и я бы менѣ любилъ тебя, еслибы ты уступилъ слишкомъ быстро...

Гвидо. Да, вы—мой отецъ и вы доказали это: потому что и вы предпочтете умереть. И такъ какъ я отвергаю чудовищное условіе, то вы должны вернуться въ лагерь непріятели, чтобы подчиниться судьбѣ, предуготовленной вамъ Флоренціей.

Марко. Мой сынъ, здѣсь вопросъ только обо мнѣ, довольно таки ненужномъ старикѣ, которому уже немного жить, до котораго нѣтъ дѣла никому... Вотъ почему я сказалъ, что мнѣ не трудно побѣдить въ себѣ старое безуміе, не надо долго бороться, чтобы довести то, что мнѣ слѣдовало бы сдѣлать, до высоты того, что было бы разумно... Я не знаю, зачѣмъ я пойду туда... Моя душа въ моемъ дряхломъ тѣлѣ осталась слишкомъ юной; я къ тому же, — дитя вѣка, слишкомъ отдаленнаго отъ вѣка разсудочности... Но я сожалѣю, что такъ много силъ прошлаго мѣшаютъ мнѣ нарушить безумное обѣщаніе...

Гвидо. Я послѣдую вашему примѣру.

Марко. Что ты хочешь сказать?

Гвидо. Что я сдѣлаю, какъ вы, что я останусь вѣренъ этимъ силамъ прошлаго, которыя вамъ кажутся нелѣпыми, но которыя, къ счастью, продолжаютъ руководить вами.

Марко. Онѣ больше не руководятъ мной, когда дѣло идетъ о другихъ; и если для просвѣтлѣнія твоей души нужна жертва моего старческаго слова, то я отрекаюсь въ сердцѣ своемъ отъ своего обѣщанія и, что бы ты ни дѣлалъ, я не пойду туда...

Гвидо. Довольно, отецъ... Миѣ хотѣлось бы сказать вамъ то, чего сынъ не долженъ говорить своему заблудшему отцу.

Марко. Сынъ мой, говори миѣ все, что подскажетъ твоему сердцу негодование... Я приму это, какъ доказательство справедливой скорби... Моя любовь къ тебѣ не зависитъ отъ словъ, какія ты могъ бы сказать миѣ; но, проклиная меня, дай же разуму и истинному состраданію занять въ твоей душѣ мѣсто покидающихъ ее оскорбленій.

Гвидо. Довольно съ насъ. Я больше не стану васъ слушать. Подумайте хорошенько и ясиѣ представьте себѣ все то, что вы предлагаете миѣ сдѣлать. Вы одни въ этотъ мигъ потеряли разумокъ, его высоту и благородство, и страхъ смерти смущаетъ вашу мудрость. Что касается меня, то я съ меньшимъ безпокойствомъ гляжу въ глаза этой смерти и способенъ вспомнить уроки мужества, которые вы давали миѣ, пока годы и пустое сидѣніе надъ книгами не ослабили его въ васъ. Мы въ этой залѣ одни. Никто не былъ свидѣтелемъ нашей слабости, мои лейтенанты сумѣютъ сохранить тайну, которую намъ, увы, носить недолго. Схоронимъ же это въ нашихъ сердцахъ, а теперь давайте говорить о послѣдней борьбѣ.

Марко. Нѣтъ, сынъ мой, этого нельзя схоронить, потому что годы и мои пустыя научныя занятія научили меня, что никогда, ни по какимъ соображеніямъ мы не

смѣемъ хоронить такъ хотя бы одну человѣческую жизнь. Если ты думаешь, что у меня нѣтъ больше той единственной храбрости, какую ты чтешь, — то у меня осталась другая. можетъ быть, не такая блестящая. менѣе прославляемая людьми, потому что она причиняетъ меньше зла, а люди чтутъ то, что заставляетъ ихъ страдать. Она - то и позволить мнѣ выполнить мой долгъ до конца.

Гвидо. И что же вы намѣрены сдѣлать?

Марко. Я dokonчу то, что я началъ такъ безуспѣшно. Ты былъ однимъ изъ судей, но ты не единственный судья. Всѣ тѣ, чья жизнь или смерть рѣшается въ этотъ часъ, имѣютъ право знать свою судьбу и то, отъ чего зависитъ ихъ спасеніе.

Гвидо. Я не совсѣмъ понимаю; во всякомъ случаѣ, надѣюсь, что еще не понимаю... вы говорите?..

Марко. Я говорю, что, покинувъ эту залу я сообщу народу предложеніе, которое сдѣлалъ тебѣ Принцивалле и которое ты отклоняешь.

Гвидо. Прекрасно. Теперь я понялъ. Я сожалѣю, что ненужныя слова завели насъ такъ далеко; сожалѣю также что ваше безуміе заставляетъ меня забыть объ уваженіи къ вашимъ лѣтамъ. Но долгъ сына — защитить заблуждающагося отца отъ него самого. Къ тому же пока Пиза еще держится, — я ея господинъ, и являюсь хранителемъ ея чести... Борсо и Торелло, — вамъ я ввѣряю своего отца: вы будете охранять его, пока его сознаніе не прояснится... Ничто не случилось... Никто ничего не узнаетъ. Отецъ, я вамъ прощаю... И вы простите меня, когда послѣдній часъ вокреститъ въ васъ воспоминаніе о тѣхъ дняхъ,

когда вы научили меня быть человѣкомъ безъ страха и безъ добровольной слабости.

Марко. Мой сынъ, я прощаю тебя и до наступленія моего послѣдняго часа. Я поступилъ бы, какъ ты. Ты запрешь меня въ тюрьму; но тайна моя свободна; уже слишкомъ поздно зажимать мнѣ ротъ.

Гвидо. Что это значитъ?

Марко. То, что въ этотъ самый мигъ Сеньорія обсуждаетъ предложеніе Принцивалле.

Гвидо. Сеньорія? Кто же сообщилъ ей?

Марко. Я самъ, прежде чѣмъ передать тебѣ...

Гвидо. Нѣтъ! Недопустимо, чтобы страхъ смерти и опустошеніе, какія внесла въ ваше сердце старость, могли настолько ослѣпить васъ, что мое единственное счастье, всю мою любовь, всю радость и всю чистоту нашей двойной жизни вы отдали въ чужія руки, которыя начнутъ холодно взвѣшивать и мѣрить ее, какъ взвѣшиваютъ соль, какъ мѣрятъ масло въ глубинѣ своихъ лавокъ. Я еще не вѣрю въ это... Не повѣрю, пока не увижу собственными глазами... А когда увижу, то взгляну на васъ, моего старого отца, котораго я любилъ, котораго, казалось бы, зналъ, на котораго старался хоть немного походить,—я взгляну на васъ съ такимъ изумленіемъ, съ такимъ ужасомъ, какъ смотрѣлъ бы на безстыдное трусливое чудовище, которое толкаетъ насъ сегодня во всю эту грязь...

Марко. Ты говоришь правду, сынъ, ты мало меня зналъ; въ этомъ я виню себя. Когда пришла старость, я не дѣлился съ тобою тѣмъ, чему она учила меня каждый Божій день—о жизни, о любви, о человѣческомъ страданіи

и счастья. Такъ-то часто живешь рядомъ съ тѣми, кого любишь, не говоря о томъ единственномъ, что имѣть значеніе... Идешь впередъ, убаюкиваемый прошлымъ; думаешь, что все преображается вмѣстѣ съ тобою; и когда несчастіе пробуждаетъ тебя, съ удивленіемъ замѣчаешь, что мы очень далеки другъ отъ друга... Если бы я раньше открывалъ тебѣ все, что измѣнялось въ моемъ сердцѣ,— всѣ суетные порывы, которые, одинъ за другимъ, исчезали изъ него,— всѣ непреложности, которыя открывались взаимнъ ихъ, то мнѣ бы сегодня не пришлось стоять передъ тобою, какъ несчастному пришельцу, котораго ты готовъ возненавидѣть...

Гвидо. Я счастливъ, что узналъ васъ слишкомъ поздно... Впрочемъ, тѣмъ хуже... Я знаю заранѣе, что выберетъ Сеньорія. Въ самомъ дѣлѣ слишкомъ легко спасти себя насчетъ другого; предъ подобнымъ искупленіемъ не могли бы устоять болѣе благородныя и мужественныя сердца, чѣмъ эти торгаши, которые дрожатъ за свои прилавки. Но я не въ долгу у нихъ! Я ни у кого не въ долгу! Я отдалъ имъ свою кровь и свои заботы; всѣ труды, всѣ страданія этой безконечной осады. Этого довольно, это—все. Остальное принадлежитъ мнѣ; я не намѣренъ повиноваться; я буду помнить, что еще я—командиръ. У меня по крайней мѣрѣ остаются три сотни моихъ страдіотовъ, которые одного меня слушаются и не пойдутъ на совѣты трусовъ!..

Марко. Сынъ мой, ты ошибаешься. Сеньорія Пизы, эти торгаши, которыхъ ты презираешь, еще не зная, что они рѣшатъ, — дали, напротивъ, въ своемъ отчаянномъ положеніи поразительный примѣръ благородства и твердо-

сти духа. Они не пожелали, чтобы ихъ спасеніе зависѣло отъ жертвы, возложенной на честь и любовь женщины; и въ тотъ мигъ, когда я собирался уходить отъ нихъ и направиться сюда, они пригласили Джованну, чтобы сообщить ей, что они отдаютъ судьбу города въ ея руки.

Гвидо. Какъ!.. Они посмѣли!.. Воспользовавшись моимъ отсутствіемъ, они посмѣли повторить передъ ней безстыдныя слова этого бѣшенаго сатира! Моя Джованна!.. Когда я думаю объ ея нѣжномъ лицѣ, краснѣющемъ отъ одного взгляда; гдѣ всѣ движенія стыда появляются и исчезаютъ безъ конца, какъ бы затѣмъ, чтобы возродить блескъ ея красоты!.. Моя Джованна передъ ними, передъ этими стариками съ блестящими глазами, передъ бѣдными торгашами съ лицемѣрной улыбкой, что боялись ея, какъ святыни. Значитъ, они скажутъ ей: „Ступай туда одна и нагая, какъ онъ того требовалъ“... Ступай и отдай ему тѣло, къ которому не прикасалось ничье желаніе. до того оно казалось дѣвственнымъ; и даже я, ея супругъ, не дерзалъ обнажать это тѣло иначе, какъ умоляя свои руки, заклинаю свои глаза остаться чистыми и непорочными изъ боязни омрачить его грѣховнымъ трепетомъ... И въ то время, какъ я говорю, есть люди, которые обращаются къ ней... Они тверды и благородны; они же не заставятъ ее отправиться противъ воли... Да и какъ имъ поступить, пока я буду тамъ?... Они ничего не требуютъ, кромѣ ея согласія... А кто же спрашивалъ согласія у меня?

Марко. А я развѣ не спрашиваю, сынъ? Если ты не дашь его мнѣ, они сами придутъ...

Гвидо. Пусть только придутъ, и Джованна отвѣтитъ имъ за насъ обоихъ.

Марко. Смѣю надѣяться, если только ты примешь ея отвѣтъ.

Гвидо. Ея отвѣтъ! Значить, вы сомнѣваетесь въ немъ? А вѣдь вы ее знали; вы ее видѣли каждый день, съ перваго часа, когда вся еще покрытая цвѣтами и улыбкою своей единственной любви, она переступила порогъ этого самаго зала, куда вы явились продать ее, гдѣ вы смѣете усомниться въ единственномъ отвѣтѣ, какой только женщина можетъ дать отцу, забывшемуся до того, что онъ хочетъ свою дочь...

Марко. Каждый видитъ въ другомъ то, что видитъ въ себѣ самомъ; и каждый понимаетъ его иначе, въ соответствіи съ своимъ собственнымъ разумѣніемъ...

Гвидо. Да. И, вѣроятно, поэтому я мало зналъ васъ... Но если бы мои глаза должны были дважды открыться такимъ именно образомъ на два столь жестокихъ заблужденія, то, видѣть Бога, я предпочелъ бы, чтобы они закрылись навсегда!...

Марко. Они раскроются, мой сынъ, въ часъ болѣе великой ясности... И если я такъ говорю, то лишь потому, что видѣлъ въ ней нѣкую силу, которой ты не замѣчалъ, которая даетъ мнѣ право не сомнѣваться въ ея отвѣтѣ...

Гвидо. Если вы не сомнѣваетесь, я тоже больше не сомнѣваюсь. На этомъ самомъ мѣстѣ и заранѣе, смѣло, рѣшительно и безповоротно, я принимаю ея отвѣтъ. Если онъ не одинаковъ съ моимъ, то, значить, мы ошибались другъ въ другѣ, съ перваго часа нашей встрѣчи до этого послѣдняго дня. Значить вся наша любовь была великой ложью, которая начинаетъ раскрываться, — значить все, что я обождалъ въ ней, таилось только здѣсь, вотъ въ

этой блѣдной, слишкомъ довѣрчивой, обезумѣвшей головѣ въ этомъ несчастномъ сердцѣ, у котораго было только одно счастье, которое любило лишь призракъ!

СЦЕНА III.

Тѣ же и Ванна.

Наружи слышенъ ропотъ толпы, повторяющей имя „Монна Ванна“. Дверь въ глубинѣ открывается и Ванна, блѣдная, одна проходитъ въ залъ; на порогѣ толпятся, стараясь спрятаться другъ за друга, мужчины и женщины, не смѣющіе войти.

Гвидо, замѣтивъ Ванну, бросается ей на встрѣчу, беретъ ее за руки, ласкаетъ ея лицо и съ лихорадочнымъ жаромъ пѣлуетъ ее. Джованна! Что они сдѣлали? Нѣтъ, нѣтъ, не повторяй, того, что они сказали.—Дай мнѣ взглянуть на твое чело и проникнуть въ твои глаза. Все осталось такимъ же честнымъ и чистымъ, какъ вода, въ которой купаются ангелы. Они не сумѣли загрязнить въ тебѣ то, что я любилъ; ихъ слова падали, какъ камни, брошенные въ небо, безсильные смутить хотя бы на мигъ ясность его лазури. Увидѣвъ эти глаза, они ничего не спросили, я увѣренъ въ этомъ. Они не требовали отвѣта; ясность твоихъ глазъ отвѣтила. Они раскинули море свѣта и любви, благодаря которому ничто не могло проникнуть отъ ихъ мыслей въ твою... А теперь смотри, подойди... Здѣсь стоитъ человѣкъ, котораго я называю отцомъ. Видишь, онъ опускаетъ голову; сѣдые волосы скрываютъ

его... Нужно простить ему; онъ старъ и заблуждается... Нужно имѣть состраданіе; слѣловать усиліе; твои глаза безсильны разубѣдить его, до того онъ далекъ отъ насъ... Онъ больше не узнаетъ насъ; наша любовь прошла надъ его ослѣпленной старостью, какъ апрѣльскій ливень надъ мѣловой скалой.. Онъ никогда не проникался ни единымъ ея лучемъ; онъ никогда не замѣчалъ ни одного изъ нашихъ поцѣлуевъ... Онъ думаетъ, что мы любимъ, какъ тѣ, кто не любятъ... Чтобы понять, ему нужны слова... Ему нуженъ отвѣтъ... Иди, дай ему отвѣтъ.

Ванна, приблизившись къ Марко. Отецъ, я пойду сегодня вечеромъ.

Марко, цѣлуя ее въ лобъ. Дочь моя, я зналъ...

Гвидо. Что? Что ты сказала ему?... Ты ему говоришь или мнѣ?

Ванна. И тебѣ, Гвидо... Сегодня вечеромъ я повинуюсь...

Гвидо. Но кому? Въ этомъ вся суть, а я еще не знаю...

Ванна. Я пойду сегодня вечеромъ въ лагерь Принцивалле.

Гвидо. Чтобы отдаться ему, какъ онъ того потребовалъ?

Ванна. Да.

Гвидо. Чтобы умереть вмѣстѣ съ нимъ? Чтобы раньше убить его? Объ этомъ я не подумалъ... Такъ, хотя бы такъ, и я пойму все...

Ванна. Я не стану его убивать; иначе городъ возьмутъ.

Гвидо. Какъ? И это—ты!... Но ты любишь его? ты любила его... съ какихъ поръ ты любишь его?

Ванна. Я его не знаю; я никогда не видѣла его...

Гвидо. Но ты знаешь, каковъ онъ? Навѣрное, они говорили... Они сказали, что онъ...

Ванна. Кто-то мнѣ сказалъ только, что это старикъ, больше я ничего не знаю.

Гвидо. Онъ не старикъ! Онъ молодъ, красивъ... Много моложе меня... Но почему онъ не потребовалъ чего-либо другого? Я пошелъ бы къ нему самъ, воздѣвая руки, на колѣняхъ, лишь бы спасти нашъ городъ. Я ушелъ бы одинъ, одинокій и нищій, съ нею,—скитаться до конца дней и просить милостыни на пустынныхъ дорогахъ. Но эта гнусная мечта варвара! Никогда, ни въ одно время, ни въ одной исторіи побѣдитель не осмѣлился на подобное! Приближаясь къ Ваннѣ и обнимая ее. О. Джованна, я еще не вѣрю въ это. Не ты говоришь эти слова. Я ничего не слышалъ. Пусть все будетъ по старому... То былъ голосъ моего отца, изъ стѣнъ. Скажи мнѣ, что я ошибаюсь, и что вся наша любовь и все твое цѣломудріе говорили нѣтъ, кричали нѣтъ, потому что нужно было рѣзко отвергнуть позоръ подобнаго выбора!... Я слышалъ только запоздалое эхо... Ты нарушишь молчаніе, не оскверненное ни однимъ словомъ... все прислушивается; никто ничего не знаетъ, и ты еще должна произнести твое первое слово. Скажи скорѣе, Джованна, пусть они вновь узнаютъ тебя; скажи его скорѣй, пусть они узнаютъ нашу любовь, пусть развѣтается этотъ сонъ... Скажи то, что я жду отъ тебя, и что должно быть сказано, чтобы поддержать, наконецъ, все, что готово рухнуть во мнѣ.

Ванна. Я знаю, Гвидо, тебѣ выпала самая тяжелая доля.

Гвидо, инстинктивно отдалаясь. Но я несу ее одинъ. Все бремя несетъ тотъ, кто любить!.. Ты не любила меня.. У кого нѣтъ души, тѣмъ все это нипочемъ!.. Просто—неожиданность... Можетъ быть, даже праздникъ. Но я сумѣю разстроить этотъ праздникъ! Что бы ни говорили, что бы ни дѣлала, здѣсь я еще хозяйинъ! Что ты скажешь, если я стану противиться этому? Если я запроу тебя туда, въ надежную тюрьму, въ чистую тюрьму, въ холодный склепъ подъ этой залой, съ моими страдотами у каждой рѣшетки. Если я буду ждать, пока потухнетъ твой огонь, и твой героизмъ нѣсколько охладѣетъ? Ступайте, возьмите ее, я приказалъ... Идите же. повинуйтесь...

Ванна. Гвидо, ты знаешь хорошо...

Гвидо. Они не повинуются? Никто? Ты, Борсо, Торелло.. развѣ у васъ каменные руки? Мой голосъ не слышенъ больше? А вы тамъ, остальные, подслушивавшіе у дверей, вы слышите мой голосъ?... Отъ моего крика разрываются скалы! Войдите! Возьмите ее, она принадлежитъ всѣмъ... Понимаю, имъ страшно... Имъ хочется жить!.. Они живутъ, а я долженъ умереть. Господи! Это слишкомъ легко! Одинъ противъ толпы! Одному расплачиваться за всѣхъ!... Но почему же я, а не вы? Вѣдь и у всѣхъ васъ есть жены! Вытянувъ наполовину свою шпагу и приближаясь къ Ваннѣ. А если я предпочту твою смерть нашему позору? Ты объ этомъ не подумала... Да, да, посмотри... Достаточно одного движенія...

Ванна. Гвидо, ты сдѣлалъ это, если любовь прикажетъ тебѣ это.

Гвидо. Если любовь прикажетъ. Говори о любви, которой ты не знала!.. Ты никогда не любила... Ты мнѣ

кажешься сегодня болѣе сухой, чѣмъ пустыня, отнявшая у меня все... Ничего! Даже ни слезинки! Я былъ только убѣжищемъ, въ которомъ оказалась надобность... Такъ, на одинъ мигъ...

Ванна. Гвидо, ты хорошо видишь, я больше не въ силахъ говорить... Посмотри на мое лицо... Я цѣпеню, умираю...

Гвидо, обнимая ее вдругъ. Приди ко мнѣ... Мои объятія вернуть тебѣ жизнь...

Ванна, уклоняясь. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, Гвидо. Я знаю... Я не могу сказать... Вся моя рѣшимость исчезнетъ, если я скажу одно слово... Я не могу... Я хочу... Я взвѣсила, я знаю, я люблю тебя, я тебѣ обязана всѣмъ... Можетъ быть, я ужасна... И все-таки я пойду!.. пойду!.. пойду!..

Гвидо, отталкивая ее. Хорошо. Ступай, уходи, ступай туда, ступай я отдаю все, ступай туда, я покидаю тебя...

Ванна, хватая его руки. Гвидо...

Гвидо, отталкивая ее. Ахъ, не удерживай меня твоими мягкими, теплыми руками.. Мой отецъ былъ правъ; онъ лучше зналъ тебя... Отецъ, вотъ она... Отецъ, это—ваше созданіе, кончайте же ваше дѣло, идите до конца!.. Ведите ее въ палатку! Я же останусь; здѣсь посмотрю, какъ вы будете уходить... Но не думайте, что я возьму мою часть хлѣба и мяса, за которые она идетъ заплатить. У меня остается кое-что, и вы скоро узнаете...

Ванна, ухватившись за него. Гвидо, посмотри на меня... Не закрывай твоихъ глазъ... Это единственная угроза... Посмотри... Я хочу видѣть...

Гвидо, посмотрѣвъ на нее, холодно устраниая. Смотри... Иди, я тебя не знаю больше... Время не терпитъ, онъ ждетъ,

вечеръ наступаетъ. Не бойся, не страшись ничего... Развѣ у меня глаза человѣка, способнаго на безумный поступокъ? Отъ любви, которая исчезаетъ, такъ не умираютъ... Только когда любишь, разсудокъ колеблется... Мой разумъ окрѣпъ. Я проникъ въ глубину любви, любви и стыда. Мнѣ больше нечего сказать... Нѣтъ, нѣтъ, отпусти меня... Твои пальцы не въ силахъ удержать исчезающую любовь... Конечно, навсегда конечно. Не осталось ни слѣда. Все прошлое погибло, и будущее... Ахъ. эти маленькіе пальцы, эти чистые глаза, эти губы... Я вѣрилъ имъ когда-то... Ничего не осталось... Отбрасывая руки Ванны одну за другой. Ничего, больше ничего, меньше, чѣмъ ничего... Прошай, Ванна, иди, прощай. Ты идешь туда?

Ванна. Да...

Гвидо. Ты не вернешься?

Ванна. Если...

Гвидо. Увидимъ... Ахъ! хорошо... Увидимъ... Кто бы могъ мнѣ сказать, что мой отецъ зналъ ее лучше, чѣмъ я...

Пошатывается и останавливается у одной изъ мраморныхъ колоннъ. Ванна уходитъ, одна и медленно, не взглянувъ на него.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Палатка Принцивалле. Всюду роскошь и безпорядокъ.—Шелковыя ткани и парча.—Оружіе, груды дорогихъ мѣховъ, большіе полуоткрытые сундуки, полные драгоценныхъ камней и яркихъ тканей. Въ глубинѣ входъ въ палатку, завѣшанный ковромъ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Ведіо, Принцивалле.

Принцивалле стоитъ у стола, приводя въ порядокъ бумаги, планы, оружіе. Входитъ Ведіо.

Ведіо. Письмо отъ комиссара республики.

Принцивалле. Отъ Тривульціо?

Ведіо. Да. Мессеръ Маладура, второй комиссаръ, еще не вернулся.

Принцивалле. Повидимому, побѣдить венеціанскую армію, которая грозитъ Флоренціи подъ Казентиномъ, не такъ-то легко, какъ они надѣялись... Дай письмо. Беретъ письмо и читаетъ. Онъ передаетъ мнѣ въ послѣдній разъ,

подъ страхомъ немедленнаго ареста, формальный приказъ съ ранней зарей пойти на приступъ... Хорошо. Ночь принадлежить мнѣ... Немедленный арестъ!.. У нихъ нѣтъ сомнѣній. Неужели же они воображаютъ, что можно испугать устарѣлыми словами человѣка, который ждетъ единственнаго часа своей жизни... Угроза, арестъ, доносъ, судъ и что тамъ еще? Я знаю, что это значить... Они уже давно арестовали бы меня, если бы только могли, если бы посмѣли...

Ведю. Мессеръ Тривульціо, передавая мнѣ приказъ, сказалъ, что придетъ вслѣдъ за мною переговорить съ вами.

Принцивалле. Рѣшился таки наконецъ? Это будетъ имѣть рѣшающее значеніе; и невзрачный карликъ-писака олицетворяющій здѣсь все таинственное могущество Флоренціи и не дерзающій смотрѣть мнѣ прямо въ глаза; этотъ маленькій блѣднощекий человѣкъ, который ненавидитъ меня больше смерти, проведетъ такую ночь, какой онъ и не предвидѣлъ... Должно быть, важныя приказанія, разъ онъ является къ чудовищному звѣрю въ его логовище... Кто на стражѣ у входа?..

Ведю. Два старыхъ солдата изъ вашего галиційскаго отряда. Кажется, я узналъ Гернандо; другой, если не ошибаюсь, Діэго...

Принцивалле. Отлично... Они повиновались бы мнѣ, даже если бъ я приказалъ посадить на цѣпь самого чорта... Смеркается... Вели зажечь огни... Который часъ?..

Ведю. Девять...

Принцивалле. Марко Колонна не вернулся?..

Ведю. Я приказалъ часовымъ привести его къ вамъ, какъ только онъ перейдетъ валъ.

Принцивалле. Онъ долженъ былъ быть здѣсь до девяти часовъ, еслибъ мое предложеніе было отвергнуто... Это—рѣшительный часъ... Въ немъ заключена вся моя жизнь, какъ эти большіе корабли, съ распушенными парусами, что узники вмѣстѣ со своими мечтами вводятъ внутрь стекляннаго шара... Странное дѣло,—какъ только можетъ человѣкъ вкладывать всю свою судьбу, свой разумъ, и свое сердце, свое счастье, свое несчастье въ такую хрупкую вещь, какъ любовь женщины... Я бы самъ смѣялся надъ этимъ, если бы это не было сильнѣе моего смѣха... Марко не возвращается... Значить, она придетъ... Пойди погляди, не зажегся ли сигнальный фонарь, который долженъ извѣстить меня, что они согласны; взгляни, нѣтъ ли свѣта, предшествующаго въ небесахъ трепетнымъ шагамъ той, что жертвуетъ собой для всѣхъ и идетъ спасти меня и свой народъ... Нѣтъ, пойду я самъ... Чужіе глаза, даже глаза друга, не должны узнать раньше моихъ, хотя бы на одинъ мигъ замедлить счастье, котораго я жду съ первыхъ дней моего ранняго дѣтства... (Идетъ ко входу въ палатку, подымаетъ коверъ и вглядывается въ темноту ночи). Свѣтъ, Ведіо!. Смотри, онъ сияетъ, ослѣпительно озаряетъ ночь. Онъ долженъ былъ вспыхнуть на башнѣ... Она наклонилась надъ сумракомъ... Это единственный свѣтъ въ городѣ... Ахъ, Пиза никогда не поднимала къ лазури неба болѣе лучезарнаго цвѣтка навстрѣчу болѣе продолжительному ожиданію и болѣе глубокой безнадежности! Мои славные Пизанцы! Вы отпразднуете сегодня неизгладимый часъ и моя радость будетъ глубже, чѣмъ еслибъ я спасъ свой родной городъ...

Ведіо схватывая его за руку. Вернемся въ палатку. Съ той стороны подходит мессеръ Тривульціо...

Принцивалле, входя. Да, правда!.. Приходится еще...
Разговоръ будетъ кратокъ. Подходи къ столу и перебирая ле-
жащія на немъ бумаги. У тебя три его письма?

Ведю. Только два...

Принцивалле. Оба перехваченныхъ письма и вечер-
ній приказъ...

Ведю. Вотъ письма, вотъ и приказъ. Вы измяли его.

Принцивалле. Я жду...

Стражъ приподнимаетъ завѣсу, вхо-
дитъ Тривульціо.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Тѣ же и Тривульціо.

Тривульціо. Вы замѣтили странный свѣтъ, посылаю-
щій сигналы съ колокольной?

Принцивалле. Вы думаете, что это сигналы...

Тривульціо. Не сомнѣваюсь... Мнѣ надо поговорить
съ вами, Принцивалле.

Принцивалле. Я слушаю. Оставь насъ, Ведю, но не
отходи далеко. Ты мнѣ понадобишься. Ведю уходитъ.

Тривульціо. Вы знаете, Принцивалле, уваженіе, ко-
торое я питаю къ вамъ. Тому, какъ вамъ извѣстно, я далъ
не одно доказательство; но найдется еще много другихъ,
которыхъ вы не знаете, потому что политика коварной, какъ
ее называютъ, Флоренціи, а въ дѣйствительности просто осто-
рожно, требуетъ, чтобы многое долго оставалось скрытымъ
даже отъ тѣхъ, кого она посвящаетъ въ свои наиболѣе сокро-
венныя тайны. Всѣ мы покорны ея мудрымъ приказаніямъ
и каждый долженъ мужественно сносить бремя ея тайнъ,
таящихъ въ себѣ духовную мощь родины. Вамъ достаточно

знать, что я никогда не былъ чуждъ тѣмъ рѣшеніямъ, на основаніи которыхъ, не взирая на вашу молодость и ваше неизвѣстное происхожденіе, васъ постепенно ставили во главѣ лучшихъ войскъ республики. Раскаиваться въ этомъ выборѣ, впрочемъ, не приходится. Но съ нѣкоторыхъ поръ противъ васъ образовалась партія. Сообщая объ этихъ замыслахъ, я боюсь, не приносить ли моя дѣйствительная дружба къ вамъ нѣкоторый ущербъ моему прямому долгу. Но прямой долгъ часто болѣе пагубенъ, чѣмъ самое широкое великодушіе. Такъ вотъ я имѣю сообщить вамъ, что васъ рѣзко осуждаютъ за вашу медлительность и за ваши колебанія. Кое-кто даже сомнѣвается въ вашей честности. И эти подозрѣнія нашли подтвержденіе въ обстоятельныхъ доносахъ. Они-то и произвели весьма дурное впечатлѣніе на ту часть собранія, которая была уже раньше настроена противъ васъ. Дѣло дошло до обсуждения вашего ареста и преданія васъ суду. Къ счастью, я былъ во время предупрежденъ. Я поѣхалъ во Флоренцію и мнѣ не стоило труда противопоставить ихъ доказательствамъ свои. Я поручился за васъ. Теперь ваша очередь оправдать мое довѣріе, въ которомъ никогда не было ни тѣни сомнѣнія. Потому что, если вы не будете дѣйствовать, мы погибли. Мой товарищъ, мессеръ Малалура, разбить подъ Биббіеной арміей венеціанскаго провектора. Другая армія надвигается на Флоренцію съ сѣвера. Дѣло идетъ о спасеніи города. Все еще поправимо, если вы завтра же пойдете на ожидаемый всѣми приступъ. Это вернетъ намъ наше лучшее войско, и единственнаго полководца, который всегда былъ увѣнчанъ побѣдой; это же обстоятельство позволить намъ войти во Флоренцію съ

высоко поднятою головою и притомъ съ такимъ торжествомъ, что всѣ ваши вчерашніе враги стануть самыми горячими почитателями и вашими сторонниками...

Принцивалле. Вы мнѣ сказали все, что хотѣли сказать?

Тривульціо. Почти все... я лишь обошелъ молчаніемъ искреннѣйшую привязанность, которая съ тѣхъ поръ, какъ я васъ узналъ, все глубже укрѣпляется во мнѣ... Она крѣпла во мнѣ наперекоръ тому затруднительному положенію, въ которое насъ часто ставятъ почти противорѣчивые законы, требующіе, чтобы власть главнаго полководца иногда, въ опасные моменты, уравнивалась таинственною силою Флоренціи, скромнымъ представителемъ которой я и являюсь въ настоящее время, среди блеска оружія...

Принцивалле. Этотъ приказъ, только что полученный мною, писанъ вашей рукой?..

Тривульціо. Да.

Принцивалле. Это вашъ почеркъ?

Тривульціо. Неоспоримо; почему вы сомнѣваетесь?

Принцивалле. А вотъ эти два письма? Вы ихъ узнаете?

Тривульціо. Возможно... Не знаю... О чемъ въ нихъ рѣчь... Я бы хотѣлъ знать...

Принцивалле. Это бесполезно... Я знаю...

Тривульціо. Тутъ, значить, тѣ два письма, которыя вы перехватили, какъ я того хотѣлъ... Вижу, что планъ удался...

Принцивалле. Вы имѣете дѣло не съ ребенкомъ. Не будемъ прибѣгать къ такимъ жалкимъ уловкамъ и продолжать разговоръ, который я спѣшу кончить, чтобы получить, наконецъ, награду, съ которою никакому торжеству во Флоренціи не сравниться никогда... Вы тутъ

доносите о всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ низко, лживо, безъ достаточныхъ доводовъ, изъ одного удовольствія повредить и заблаговременно заpastись оправданіемъ, необходимымъ для неблагодарной алчности Флоренціи, которая еще лишній разъ боится, какъ бы благодарность побѣдоносному наемнику не обошлась ей слишкомъ дорого... Здѣсь все передѣлано съ такою предательскою ловкостью, что минутами я самъ готовъ усомниться въ своей собственной невинности... Все искажено, унижено, загажено вашею тщедушной и близорукой завистью, вашею омерзительной ненавистью,—съ первыхъ дней этой осады, до того счастливаго часа, когда я открылъ глаза, и когда я, наконецъ, жажду оправдать ваши подозрѣнія. Я приказалъ тщательно переписать эти письма; я отправилъ ихъ во Флоренцію. Я перехватилъ отвѣты. Вамъ вѣрять на слово. Вѣрять тѣмъ охотнѣе, что васъ снабдили темой для вашихъ обвиненій... Меня судятъ, не выслушавъ, и приговариваютъ къ смерти. Я знаю, что послѣ всего этого, будь я осѣненъ архангельской чистотой, мнѣ не опровергнуть тяготѣющихъ надо мною уликъ. Вотъ почему я дѣлаю скачекъ, разрываю ваши ничтожныя пѣпи и забѣгаю впередъ... До сихъ поръ я не былъ измѣнникомъ, но послѣ этихъ двухъ писемъ я готовлю вамъ гибель... Сегодня вечеромъ я продамъ васъ, васъ и вашихъ жалкихъ вождей, и такъ жестоко, такъ непоправимо, какъ только сумѣю... Я буду увѣренъ, что никогда не совершалъ болѣе благотворнаго поступка, когда мнѣ удастся унижить, насколько въ моихъ силахъ, единственный въ своемъ родѣ городъ, который причисляетъ вѣроломство къ гражданскимъ добродѣтелямъ, и хочетъ, чтобы хитрость, лицемеріе, неблагодарность, ни-

зость и ложь управляли вселенной... Съ этого вечера, благодаря мнѣ, вашъ исконный врагъ, что мѣшаетъ и будетъ мѣшать вамъ, пока будетъ цѣль, выйти изъ вашихъ стѣнъ и развращать весь мѣръ... начиная съ этого вечера, благодаря мнѣ, Пиза будетъ спасена и воспрянетъ, чтобы еще больше тревожить васъ... Ахъ, не поднимайтесь, не дѣлите бесполезныхъ движеній... Я принялъ всѣ мѣры, все неизбежно... Вы въ моей власти, и, держа васъ, я, кажется мнѣ, держу въ своихъ рукахъ судьбу Флоренціи...

Тривульціо, обнажая кинжалъ и стремительно нанося ударъ Принцивалле. Нѣтъ еще... Пока мои руки свободны...

Принцивалле, инстинктивно рукою отражая ударъ, вскинулъ вверхъ левіе. Оно задѣло его лицо. Онъ схватываетъ руку Тривульціо. Ахъ, вотъ что!.. Я не ожидалъ такого припадка ужаса... Вотъ вы и въ моихъ рукахъ,—вы чувствуете, что любая изъ нихъ сильнѣе васъ... А вотъ вашъ кинжалъ... Мнѣ стоитъ только опустить его... Онъ, кажется, ищетъ вашего горла... Вы даже глазомъ не моргнете... Вамъ не страшно?..

Тривульціо. Нѣтъ... Разите, это ваше право... Я пожертвовалъ своею жизнью...

Принцивалле. Ахъ, вотъ какъ? Но въ такомъ случаѣ, странное дѣло, вашъ поступокъ... Это—очень рѣдко... Даже среди насъ, людей оружія, не много найдется такихъ, кто былъ бы способенъ броситься вотъ такъ навстрѣчу смерти; и я бы никогда не повѣрилъ, что въ этомъ тщедушномъ тѣлѣ...

Тривульціо. Вы, у кого шпага всегда обнажена, очень склонны думать, что нѣтъ иного мужества, какъ только то, что сверкаетъ на остріѣ длиннаго клинка...

Принцивалле. Пожалуй, вы правы... Хорошо... вы не свободны, но вамъ не сдѣлають никакого зла... Мы служимъ разнымъ богамъ... Отирая кровь, текущую по лицу. Ахъ! У меня кровь... Ударъ былъ довольно таки мѣтокъ... Нѣсколько стремителенъ, но довольно силенъ... Все равно, чуть-чуть, было... Какъ бы вы поступили, если бы вотъ такъ держали въ своихъ рукахъ того, кто намѣренъ былъ отправить васъ туда, куда никто не хочетъ итти?..

Тривульцио. Я бы не сталъ шадить его...

Принцивалле. Я васъ не понимаю... Станный вы человекъ... Сознайтесь, ваши письма были большой низостью... Я проливалъ свою кровь въ трехъ большихъ битвахъ: я дѣлалъ все, что могъ, всецѣло принадлежалъ вамъ, храбро служилъ тѣмъ, кто выбралъ меня, даже мимоленной мысли о невѣрности не закрадывалось въ мое сердце... Вы должны это знать, потому что вы слѣдили за мною... И все-таки въ вашихъ письмахъ, изъ ненависти, изъ зависти или изъ расчета, вы видоизмѣняете всѣ мои поступки, которыми я имѣлъ въ виду одно ваше спасеніе, вы сознательно обманываете, нагромождаете ложь на ложь...

Тривульцио. Только факты были переданы ложно; это ничего не значить. Важно было уловить тотъ опасный часъ, когда воинъ, гордый двумя-тремя побѣдами—число тутъ мало мѣняетъ дѣло—перестаетъ повиноваться властямъ, которыя назначили его и у которыхъ—болѣе высокая миссія, чѣмъ у него. Этотъ часъ пробилъ, вотъ что убѣждаетъ меня въ этомъ. Флорентійскій народъ уже слишкомъ любилъ васъ. А наше дѣло—устранять идоловъ, которыхъ онъ себѣ создаетъ. Въ первую минуту онъ немало недоволенъ нами за это; но онъ поставилъ насъ для

того, чтобы мы такимъ именно образомъ уравновѣшивали его случайныя прихоти. Онъ сознаетъ свою миссію лучше, чѣмъ предполагаютъ. И когда мы устраняемъ то, что онъ слишкомъ обожалъ, онъ чувствуетъ, что, противъ его воли, мы исполняемъ его же волю. Вотъ почему я и рѣшилъ, что наступилъ часъ намѣтить новаго идола. Я предостерегалъ Флоренцію. Она зарапѣ знала, что значитъ моя ложь...

Принцивалле. Часъ не наступилъ, не наступилъ бы, не будь вашихъ отвратительныхъ писемъ..

Тривульцио. Онъ могъ бы наступить, и этого было довольно.

Принцивалле. Какъ! ни въ чемъ неповинный человекъ, по одному простому подозрѣнію, безжалостно приносится въ жертву опасности, которая, пожалуй, лишь могла бы угрожать...

Тривульцио. Одинъ человекъ—ничто въ сравненіи съ Флоренціей.

Принцивалле. Значить, вы вѣрите въ судьбу Флоренціи, въ ея дѣло, въ ея жизнь? Неужели она нѣчто такое, чего я не понимаю?

Тривульцио. Да. Я вѣрю только въ нее; остальное ничто для меня...

Принцивалле. Послѣ всего, что было, это—возможно... И вы правы, поскольку вы вѣрите... У меня нѣтъ родины... Я въ этомъ не судья... Казалось, я иногда чувствовалъ недостатокъ въ ней... Но у меня есть нѣчто совершенно иное, чего у васъ никогда не будетъ, и чѣмъ ни одинъ человекъ не обладалъ въ такой мѣрѣ, какъ я!.. И я этимъ буду обладать сейчасъ, черезъ мигъ, вотъ здѣсь... Этого исполнѣ достаточно... Ступайте, разстанемся; у насъ нѣтъ

времени взвѣшивать эти загадки... Мы слишкомъ далеки другъ отъ друга, хотя почти соприкасаемся... У каждаго человѣка своя судьба... У однихъ—идея, у другихъ—желаніе... И вамъ было бы также трудно измѣнить вашу идею, какъ мнѣ свое желаніе... Тотъ, у кого больше страсти, чѣмъ у будничныхъ людей, долженъ исчерпать ее до конца. И то, что приходится дѣлать законно, потому что человѣкъ такъ мало свободенъ... Прощайте, Тривульціо, наши пути расходятся... Дайте мнѣ вашу руку...

Тривульціо. Не теперь. Я протяну вамъ свою руку, когда возмездіе...

Принцивалле. Пусть такъ. Вы проиграли сегодня, выиграете завтра... Входитъ Ведіо.

Ведіо. Господинь!.. Какъ?.. вы ранены?.. Вы въ крови!..

Принцивалле. Пустяки... Позови стражу... Пусть отведутъ этого человѣка, не обращаясь съ нимъ грубо, не причиняя ему никакого зла... Это врагъ, котораго я люблю... Пусть запрутъ его въ надежномъ мѣстѣ, чтобы никто не видалъ... Они отвѣчаютъ за него... Освободятъ, когда прикажу...

Ведіо уводитъ Тривульціо. — Принцивалле передъ зеркаломъ разсматриваетъ рану.

Принцивалле. Правда, кровь... точно рана задѣла вену... Разрѣзъ неглубокій, но онъ расцарапалъ мнѣ половину лица... Кто бы могъ подумать, что этотъ человѣкъ, такой хилый и блѣдный... Входитъ Ведіо... Исполнено?

Ведіо. Да, господинь, Вы губите себя...

Принцивалле. Гублю себя!.. Ахъ, я хотѣлъ бы губить себя такъ до самой смерти... Я гублю себя, Ведіо!.. Но никогда въ мірѣ человѣкъ совершая справедливое мще-

ніе, того единственнаго счастья, о которомъ онъ гре-
зить съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ научился грезить...
Я бы ждалъ и подстерегалъ его, гнался за нимъ путемъ
всѣхъ преступленій, потому что оно было нужно мнѣ и
принадлежало мнѣ; и теперь, когда моя счастливая звѣзда
готова открыть мнѣ его въ своихъ серебристыхъ лучахъ,
во имя справедливости, во имя состраданія,—вы говорите:
„онъ гибнетъ“. Бѣдные люди безъ огня!.. Бѣдные люди
безъ любви!.. Но ты... Развѣ ты не чувствуешь, что въ
этотъ мигъ моя судьба взвѣшивается на небесахъ, и что
она выше даже ста счастливыхъ, даже тысячи любящихъ!
Ахъ, я это знаю хорошо! Я достигаю мгновенія, когда
тѣ, кто предназначенъ для высшаго торжества или вели-
чайшаго бѣдствія, находятся на крайней высотѣ своей
жизни, когда все возноситъ ихъ на эту высоту, когда все
приводитъ ихъ въ равновѣсіе. когда все дается имъ! И что
можетъ значить остальное и все, что будетъ... Мы хорошо
знаемъ, что человѣкъ не созданъ для подобнаго, что всѣ
кто несетъ это, гибнетъ подъ его бременемъ.

Ведіо, приближаясь съ бѣлой повязкой. Кровь все течетъ...
Позвольте мнѣ перевязать ваше лицо...

Принцивалле. Извольте, разъ это нужно. Но поста-
райтесь, чтобы повязка не закрыла мнѣ глазъ, не связала
моихъ губъ. Глядясь въ зеркало. Ахъ, я похожъ на больного,
убѣжавшаго отъ хирурга, тогда какъ я влюбленный, кото-
рый бросится сейчасъ навстрѣчу своей любви... Не такъ, не
такъ... А ты, Ведіо, мой бѣдный Ведіо, что будетъ съ тобой?

Ведіо. Господинъ, я послѣдую за вами...

Принцивалле. Нѣтъ; оставь меня... Я не знаю, куда
пойду, чѣмъ я буду... Ты спасешься одинъ, никто не ста-

нетъ преслѣдовать тебя, тогда какъ съ твоимъ господиномъ... Въ этихъ сундукахъ золото; возьми, оно твое; мнѣ оно больше не нужно... Телѣги заложены, стада въ сборѣ?..

Ведю. Передъ палаткой.

Принцивалле. Хорошо; когда я подамъ знакъ, ты сдѣлаешь то, что нужно... Вдали слышенъ выстрѣлъ. Что это?

Ведю. Выстрѣлъ на аванпостахъ...

Принцивалле. Кто же приказалъ?.. Должно быть ошибка... А если это по ней?.. Ты предупредилъ?..

Ведю. Такъ точно... Это невозможно... Я разставилъ нѣсколько часовыхъ; они приведутъ ее, какъ только она покажется...

Принцивалле. Слушай, посмотри... Ведю уходитъ.

СЦЕНА ТРЕТІЯ.

Принцивалле, Ванна.

Принцивалле остается нѣкоторое время одинъ. Возвращается Ведю, поднимаетъ коверъ надъ входомъ и тихо говоритъ „Господинъ“. Затѣмъ онъ удаляется; на порогъ показывается Монна Ванна въ длинномъ плащѣ; останавливается. Принцивалле вздрагиваетъ и дѣлаетъ шагъ навстрѣчу.

Ванна глухо. Я пришла, какъ вы хотѣли...

Принцивалле, приближаясь къ ней. Я вижу кровь на вашей рукѣ. Вы ранены?..

Ванна. Пуля задѣла плечо...

Принцивалле. Когда, гдѣ?.. Это ужасно...

Ванна. Когда я подходила къ лагерю.

Принцивалле. Но кто же могъ стрѣлять?

Ванна. Не знаю... Стрѣлявшій убѣждалъ.

Принцивалле. Покажите рану.

Ванна, пріоткрывая сверху свой плащъ. Вотъ здѣсь.

Принцивалле. Надъ лѣвой грудью... Рана неглубокая... Только кожа задѣта... Вамъ больно?

Ванна. Нѣтъ.

Принцивалле. Хотите, я перевяжу вашу рану?

Ванна. Нѣтъ. Молчаніе.

Принцивалле. Вы рѣшились?..

Ванна. Да.

Принцивалле. Не повторить ли вамъ условіе?..

Ванна. Не надо, я знаю...

Принцивалле. Вы не раскаиваетесь?..

Ванна. А развѣ нужно было явиться безъ раскаянья?

Принцивалле. Вашъ мужъ согласенъ?..

Ванна. Да.

Принцивалле. Я согласенъ отпустить васъ на свободу... Еще не поздно... Хотите отказаться?..

Ванна. Нѣтъ.

Принцивалле. Почему вы это дѣлаете?

Ванна. Потому, что люди умирають съ голоду, и завтра пришлось бы умереть еще болѣе скорою смертью...

Принцивалле. Другихъ причинъ не было?

Ванна. Какія же еще могли бы быть причины?

Принцивалле. Понимаю... добродѣтельная женщина...

Ванна. Да.

Принцивалле. И любящая своего мужа...

Ванна. Да.

Принцивалле. Глубоко?

Ванна. Да.

Принцивалле. Подъ этимъ плащемъ вы шагая?

Ванна. Да.

Ванна хочетъ сбросить плащъ, Принцивалле жестомъ останавливаетъ ее.

Принцивалле. Вы видѣли у палатки повозки и стада?

Ванна. Да.

Принцивалле. Тамъ двѣсти повозокъ, нагруженныхъ лучшею тосканскою пшеницей. Двѣсти другихъ нагружены съѣстными припасами, плодами и виномъ изъ окрестностей Сиенны; еще тридцать возовъ съ нѣмецкимъ порохомъ и двѣнадцать поменьше — со свинцомъ. А вокругъ нихъ шестьсотъ быковъ изъ Англiи и тысяча двѣсти барановъ. Они только ждутъ вашего приказа, чтобы двинуться въ Пизу. Хотите видѣть, какъ они тронутся въ путь?

Ванна. Да.

Принцивалле. Подойдите къ выходу.

Онъ поднимаетъ пологъ; отдаетъ приказъ и дѣлаетъ знакъ рукою, слышенъ протяжный и глухой шумъ. Зажигаются и начинаютъ двигаться факелы, свистятъ бичи. Грохочать повозки, мычатъ и блеютъ стада.

Ванна и Принцивалле, стоя у порога палатки, нѣкоторое время смотреть вслѣдъ громадному обозу, удаляющемуся при свѣтѣ пылающихъ факеловъ, во мракѣ звѣздной ночи.

Принцивалле. Благодаря вамъ, съ сегодняшняго вечера, Пиза не будетъ знать больше голода. Она сдѣлается непобѣдимой, и завтра, опьяненная радостью и славою торжества, котораго никто уже не ждалъ, наполнить воздухъ ликованиемъ пѣсенъ. Вамъ этого довольно?..

Ванна. Да.

Принцивалле. Закроемъ палатку. Дайте мнѣ вашу руку. Вечеръ еще теплый, но ночь будетъ холодная. Вы пришли безъ оружія, безъ яда?..

Ванна. На мнѣ только сандалии и вотъ этотъ плащъ. Если вы боитесь обмана, снимите съ меня и это.

Принцивалле. Я не за себя боюсь—за васъ.

Ванна. Я не считаю это драгоценнѣе жизни...

Принцивалле. Хорошо, и вы правы...—Подите, отдохните...—Это ложе война жесткое и грубое, тѣсное, какъ гробъ, и мало достойное васъ.—Отдохните здѣсь на этихъ шкурахъ, которыя еще не знаютъ, какъ вѣжно и прекрасно тѣло женщины... Положите подъ голову этотъ мѣхъ помягче... это—шкура рыси; ее подарилъ мнѣ одинъ африканскій царекъ вечеромъ послѣ одной побѣды... Ванна садится, плотно закутавшись въ свой плащъ. Свѣтъ отъ фонаря падаетъ вамъ прямо въ глаза... Хотите, переставлю?

Ванна. Все равно.

Принцивалле, опускаясь на колѣни у ложа и схватывая руку Ванны. Джованна!.. Ванна встаетъ въ изумленіи и смотритъ на него. Джованна! Вѣдь и я когда то звалъ васъ такъ... Произнося это имя, теперь я замираю... Оно такъ долго было замкнуто въ моемъ сердцѣ, что уже не можетъ вырваться изъ него, не разбивъ своей тюрьмы. Оно—само

мое сердце, и у меня нѣтъ другого... Каждый изъ его слоговъ объемлетъ мою жизнь; и когда я произношу ихъ, моя жизнь уходитъ. Это имя было мнѣ такимъ роднымъ; я думалъ, что я его знаю; я такъ часто произносилъ его, что уже пересталъ его бояться; въ продолженіе многихъ лѣтъ, въ каждый часъ каждаго дня, я повторялъ его, какъ великое слово любви, которое нужно было смѣло произнести, наконецъ, хотя бы разъ въ присутствіи той, къ кому оно взывало такъ напрасно... Я думалъ, что уста мои привыкли къ нему, что въ желанный мигъ они сумѣютъ произнести его съ такой нѣжностью, съ такимъ благоговѣніемъ, съ такою глубокою и покорною преданностью, что та, кто услышитъ его, пойметъ всю скорбь и всю любовь, скрытую въ немъ... Но вотъ сейчасъ оно лишь тѣнь... Это ужъ не то же имя. Я не узнаю его, когда оно срывается съ устъ моихъ, прерываемое рыданіями, подавленное страхомъ... Я слишкомъ много вложилъ въ него; и весь трепеть, все обожаніе, которое я замкнулъ въ немъ, отнимаютъ у меня силы и заставляютъ мой голосъ замирать...

Ванна. Кто вы?

Принцивалде. Вы не знаете меня... Ничто не кажется знакомымъ вашему взору? — Ахъ, какъ уничтожаетъ убѣгающее время всѣ чудеса!.. Но я одинъ видѣлъ эти чудеса... Да, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, лучше, что они забыты... У меня не будетъ больше надежды, мнѣ придется меньше сожалѣть... Нѣтъ, я для васъ ничто. Я — просто бѣдный человѣкъ, который одинъ лишь мигъ созерцаетъ цѣль своей жизни... Я — несчастный, который ни о чемъ не проситъ, который даже не знаетъ, о чемъ просить. Но онъ хотѣлъ бы, если только это возможно, сказать вамъ,

прежде чѣмъ вы уйдете, чѣмъ вы для него были, и чѣмъ будете до конца его жизни...

Ванна. Значить, вы меня знаете?.. Кто вы?..

Принцивалле. Вы никогда не видѣли того, кто смотреть на васъ, какъ въ волшебномъ мѣрѣ смотрѣли бы на источникъ своей радости и своего существованія?..

Ванна. Нѣтъ. По крайней мѣрѣ я не помню...

Принцивалле. Да, вы не знали... Увы, я былъ убѣжденъ, что вы больше знали. . Вамъ было всего восемь лѣтъ, а мнѣ двѣнадцать, когда я встрѣтилъ васъ впервые.

Ванна. Гдѣ же это?

Принцивалле. Въ Венеци, въ одно июньское воскресенье.—Мой отецъ, старый ювелирь, принесъ вашей матери жемчужное ожерелье. Она восхищалась жемчугами... Я же бродилъ по саду. Тогда-то я встрѣтилъ васъ, среди миртъ, у мраморнаго бассейна... Тоненькое золотое кольцо упало въ воду... Вы плакали у бассейна... Я бросился въ бассейнъ.—И чуть было не утонулъ; но я досталъ кольцо и надѣлъ его вамъ на палецъ... Вы поцѣловали меня и были счастливы...

Ванна. Да... бѣлокурый мальчикъ... Его звали Джанелло... Ты—Джанелло?

Принцивалле. Да.

Ванна. Кто бы могъ васъ узнать?.. Къ тому же ваше лицо закрыто этой повязкой... Я вижу только глаза...

Принцивалле, слегка сдвигая повязку. Я сдвинулъ повязку. Теперь вы узнаете меня?

Ванна. Да... Какъ будто... Кажется... Потому что у васъ еще осталась дѣтская улыбка... Но вы ранены, въ крови...

Принцивалле. Для меня это ничего... Но для васъ это несправедливо...

Ванна. Но всюду кровь... Позвольте мнѣ перевязать повязку.. Она плохо наложена... Поправляетъ повязку. Я часто ходила за ранеными въ эту войну... Да, да, припоминаю... Я опять вижу садъ съ его гранатами, лаврами и розами... Мы не разъ играли тамъ послѣ обѣда, когда песокъ нагрѣвался и сверкалъ на солнцѣ...

Принцивалле. Двѣнадцать разъ, я сосчиталъ... Я бы могъ назвать всѣ наши игры, повторить всѣ ваши слова...

Ванна. Потомъ разъ я ждала васъ... Потому что вы мнѣ очень нравились. Вы были серьезный и нѣжный, какъ дѣвочка, и смотрѣли на меня, какъ на маленькую королеву... Но вы не пришли...

Принцивалле. Отецъ увезъ меня... Онъ переѣзжалъ въ Африку... Тамъ мы заблудились въ пустынь... Потомъ я побывалъ въ плѣну у арабовъ, турокъ, испанцевъ, почему мнѣ знать? Когда я снова увидѣлъ Венецію, ваша мать уже умерла, садъ былъ заброшенъ... Я потерялъ ваннъ слѣды, но потомъ снова нашелъ его, благодаря вашей красотѣ, потому что она всюду оставляла навѣки неизгладимый отблескъ...

Ванна. Вы сразу узнали меня, какъ только я вошла?

Принцивалле. Если бы въ мою палатку вошли десять тысячъ такихъ, какъ вы, всѣ въ одинаковыхъ нарядахъ, всѣ одинаково прекрасныя, какъ десять тысячъ сестеръ, которыхъ могла бы спутать родная мать,—я подошелъ бы къ вамъ, взялъ бы васъ за руку и сказалъ: „вотъ она“... Странно, неправда ли, что любимый образъ можетъ такъ жить въ сердцѣ... Потому что вашъ образъ былъ такъ

тѣсно слить съ моимъ сердцемъ, что измѣнялся каждый день, какъ въ дѣйствительной жизни. И сегодняшній становился на мѣсто вчерашняго... Онъ расцвѣталъ, становился прекраснѣе; и годы наряжали его всѣмъ, что зрѣтъ въ растущемъ ребенкѣ... Но когда я снова увидѣлъ васъ, въ первое мгновенье мнѣ показалось, что глаза обманываютъ меня... Мои воспоминанія были такъ прекрасны и такъ неизмѣнны... Но они тянулись слишкомъ медленной веревницей и были слишкомъ робки... Они не дерзали одѣть васъ всѣмъ блескомъ, который вдругъ ослѣпилъ меня... Я былъ похожъ на человѣка, который старается вспомнить цвѣтокъ, видѣнный имъ лишь разъ мелькомъ, гдѣ-то въ паркѣ, въ сумрачный день, и вдругъ замѣчаетъ сто тысячъ такихъ цвѣтовъ, въ озаренныхъ солнцемъ поляхъ... Я снова увидѣлъ этотъ лобъ, эти волосы, эти глаза, снова проникъ въ душу обожаемаго лица; но его красота заставила такъ глубоко поблѣднѣть ту красоту, которую я лелѣлъ въ безмолвіи столькихъ дней, безконечныхъ мѣсяцевъ, длиннаго ряда лѣтъ, озаренныхъ свѣтомъ единственнаго воспоминанія, влачившагося такую дальнюю дорогой, что дѣйствительность опередила его!..

В а н н а. Да, вы любили меня такъ, какъ любятъ въ эти годы, но время и разлука прикрашиваютъ любовь...

П р и н ц и в а л л е. Люди часто говорятъ, что они любятъ или любили лишь одинъ разъ въ своей жизни, въ этомъ рѣдко правда... Они хотятъ принарядить свое желаніе или свое равнодушіе волшебнымъ несчастіемъ тѣхъ, кто созданъ для единственной любви. И когда кто-нибудь изъ нихъ, прибѣгая къ тѣмъ же словамъ, которыя въ устахъ остальныхъ людей являются только красивой ложью, хочетъ го-

ворить о глубокой и скорбной истинѣ, губящей его жизнь то эти слова, слишкомъ часто срывавшіяся съ устъ счастливыхъ любовниковъ, уже утратили всю свою силу, всю свою вѣсность. И та, кто внимаетъ имъ, невольно принижаетъ эти бѣдныя свѣтыя и почти всегда скорбныя слова, до ихъ повседнежнаго значенія, до того смысла, въ какомъ они обращаются среди людей...

Ванна. Я этого не сдѣлаю... Я понимаю эту любовь, которой всѣ мы ждемъ на зарѣ жизни и отъ которой приходится отречься, потому что годы, хотя мнѣ и немного лѣтъ—гасятъ столько лучей... Но когда, послѣ возвращенія въ Венецію, вы напали на мой слѣдъ, что тогда случилось?.. Неужели вы не старались очутиться по близости той, кого вы такъ любили?

Принцивалле. Въ Венеціи я узналъ, что ваша мать умерла въ бѣдности и что вы вышли замужъ за знатнаго тосканца, самаго влиятельнаго и самаго богатаго человѣка въ Пизѣ, благодаря которому вы стали своего рода обожаемой и счастливою королевой... Я могъ вамъ предложить одну лишь кочевую нищету искателя приключеній безъ родины и безъ крова... Мнѣ казалось, что сама судьба требовала отъ моей любви жертвы, которую я ей принесъ. Много разъ я бродилъ вокругъ этого города, останавливаясь у стѣнъ, цѣпляясь за цѣпи у воротъ, чтобы не уступить желанію увидѣть васъ, чтобы не смутить счастье и любовь, которыя вы нашли... Я продалъ свою шпагу, участвовалъ въ двухъ или трехъ походахъ; мое имя стало знаменитымъ среди наемниковъ... И я все ждалъ и ждалъ, не надѣясь больше ни на что, пока Флоренція не выслала меня противъ Пизы.

Ванна. Какъ мужчины слабы и робки, когда они любятъ. Не обманывайте себя, я не люблю васъ, мнѣ трудно было бы сказать, любила ли я васъ когда-нибудь. Но въ сердцѣ моемъ трепещетъ и возмущается самый духъ любви, когда я вижу, что человѣкъ, который хотѣлъ любить меня, какъ только я могла бы быть любимой, не находитъ въ себѣ мужества передъ лицомъ любви!..

Принцивалле. У меня напало мужество... Чтобы вернуться, мнѣ надо было гораздо больше, чѣмъ вы думаете... Но было уже слишкомъ поздно.

Ванна. Когда вы покидали Венецію, не было слишкомъ поздно. Никогда не бываетъ слишкомъ поздно, когда члѣовѣка ослѣняетъ любовь, наполняющая жизнь. Она никогда не отрекается. Не ожидая больше ничего, она вѣчно надѣется. Теряя послѣднюю надежду, она все еще напрягаетъ силы... Еслибъ я любила, какъ вы, я бы сдѣлала... Ахъ, нельзя сказать, что можно было сдѣлать!.. Но я твердо знаю, что случаю не удалось бы вырвать у меня мою надежду безъ борьбы!.. Я бы преслѣдовала ее день и ночь. Я бы сказала судьбѣ: „Прочь, дай мнѣ дорогу!“ Я даже камни заставила бы принять мою сторону; и тому, кого я любила, пришлось бы затвердить и провозглашать ту же истину, и онъ бы не разъ провозгласилъ ее!..

Принцивалле, ища руку Ванны. Джованна, ты не любишь его?

Ванна. Кого?

Принцивалле Гвидо?..

Ванна. отнимая руку. Не ищите моей руки. Я не разрѣшаю. Я вижу, что мои слова должны быть ясныѣ. Когда Гвидо женился на мнѣ, я была одинока, почти

бѣдна. Одною и бѣдная женщина, въ особенности, если она красива и не можетъ принудить себя къ искусной лжи, тотчасъ же становится жертвой тысячи сплетенъ... Гвидо не обращалъ на нихъ вниманія; онъ вѣрилъ мнѣ и эта вѣра покорила. Онъ сдѣлалъ меня счастливой, насколько можно быть счастливой, отрекшись отъ безумныхъ въ извѣстномъ смыслѣ грезъ, которыя, повидимому, не созданы для нашей человѣческой жизни... И вы сами увидите,—я почти увѣрена—что можно быть счастливымъ, не коротая всѣ свои дни въ ожиданіи счастья, котораго никто не извѣдалъ... Я люблю сейчасъ Гвидо любовью менѣе исключительной, чѣмъ ваша, но болѣе ровной, болѣе вѣрной и спокойной... Это—та любовь, которую дала мнѣ жизнь; я не была слѣпа, когда принимала ее; другой у меня и не будетъ; и если кто разобьетъ ее, то только не я... Вы ошиблись... Если у меня и есть слова, могущія оправдать вашу ошибку, все во имя той любви, которую сердце предвѣщаетъ съ раннею зарею;—она, можетъ быть, и существуетъ, только она не моя, только она не ваша, потому что вы поступили не такъ, какъ поступила бы подобная любовь.

Принцивалле. Вы судите слишкомъ строго, Джованна, не достаточно зная, что пришлось вынести, что пришлось сдѣлать, чтобы достигнуть, наконецъ, этой минуты счастья, въ которомъ отчаялась бы всякая другая любовь... Но если бы она даже ничего не сдѣлала, если бы она ни на что не отважилась, я знаю, что она есть, потому что я—ея жертва, потому что я ношу ее въ себѣ, потому что она завладѣваетъ моею жизнью и гаситъ во мнѣ все, что составляетъ радость и славу людей. Съ тѣхъ поръ, какъ она

завладѣла мною, каждый мой шагъ, каждое мое движеніе имѣли одну лишь цѣль—приблизиться къ вамъ, будь то на краткій мигъ, и испытать свою судьбу, не мѣшая вамъ... Ахъ, повѣрьте мнѣ, Джованна! А вы должны мнѣ вѣрить, потому что охотно вѣрятъ тѣмъ, которые ни на что не надѣются, ничего не просятъ... Вотъ вы теперь въ моей палаткѣ и вся въ моей власти... Стоитъ мнѣ сказать одно лишь слово, протянуть руки,—и я буду обладать всѣмъ, чѣмъ только можетъ обладать обычная любовь... Но вы, кажется, знаете такъ же хорошо, какъ и я, что любви, о которой я говорю, нужно совсѣмъ другое; вотъ почему я прошу отбросить всѣ сомнѣнія... Я хотѣлъ взять эту руку въ твердомъ убѣжденіи, что вы повѣрите мнѣ... Я больше не прикоснусь къ ней ни рукою ни губами; но когда мы разстанемся, чтобъ больше никогда не увидѣть другъ друга, вы должны по крайней мѣрѣ уйти съ убѣжденіемъ, что именно такую любовью я васъ любилъ и что она оставалась предъ однимъ лишь невозможнымъ...

Ванна. Потому-то я и намѣрена сомнѣваться, что она встрѣчала на своемъ пути невозможное... Не думайте, что мнѣ доставляло бы наслажденіе видѣть, какъ она преодолеваетъ страшныя препятствія, что я жажду нечеловѣческихъ испытаній... Рассказываютъ, что однажды въ Пизѣ одна женщина бросила свою перчатку во львиную яму, позади колокольни, и просила своего любовника достать ее. У любовника не было другого оружія, кромѣ хлыста. Все же онъ сошелъ въ яму, отогналъ львовъ, поднялъ перчатку, преклонивъ колѣна, отдалъ ее женщинѣ, удалился, не сказавъ ни слова, и больше не вернулся! Я нахожу, что онъ былъ слишкомъ мягокъ; такъ какъ у него

былъ хлысть, то онъ долженъ былъ воспользоваться имъ и втолковать той, что вздумала такъ именно играть божественнымъ чувствомъ, болѣе опредѣленное и живое представленіе о правахъ и обязанностяхъ истинной любви... Я не требую отъ васъ такихъ доказательствъ; мнѣ остается только вѣрить... Только во имя моего и вашего счастья я хотѣла бы сомнѣваться... Въ такой исключительной любви, какъ ваша, есть нѣчто святое, что способно взволновать даже самую холодную и самую добродѣтельную женщину. Вотъ почему я такъ стараюсь разобрать, что вы сдѣлали, и я была бы почти счастлива, еслибъ совсѣмъ не оказалось ничего, что носило великій знакъ этой смертной страсти, которая такъ рѣдко влечетъ за собой благословеніе... Я была бы почти увѣрена, что не нашла его, еслибы вашъ послѣдній поступокъ, благодаря которому вы безумно бросили въ бездну все ваше прошлое, ваше будущее, вашу славу, вашу жизнь, все, что у васъ есть, только бы заставить меня притти на часъ въ эту палатку, не принуждалъ меня сказать, что вы, можетъ быть, не ошибаетесь...

П р и н ц и в а л л е. Одинъ этотъ послѣдній поступокъ ничего не доказываетъ...

В а н н а. Какъ такъ?

П р и н ц и в а л л е. Я лучше открою вамъ правду. Заставляя васъ притти сюда, чтобы спасти Пизу, я ничѣмъ не жертвовалъ...

В а н н а. Я не совсѣмъ понимаю... Развѣ вы не измѣнили родинѣ? не уничтожили вашего прошлаго? не стубили будущаго? Развѣ не обрекли себя на изгнаніе и, быть можетъ, — смерть?

Принцивалле. Прежде всего, у меня нѣтъ родины... Если бы она у меня была, то какова бы ни была моя любовь, я не продалъ бы ее, и, думаю, именно ради этой любви... Но я только наемникъ, вѣрный, когда вѣрны ему, предатель, когда чувствуетъ, что его предали... Я былъ ложно обвиненъ комиссарами Флоренціи и осужденъ безъ суда республикою торгашей, привычки которыхъ вы знаете [такъ же хорошо, какъ и я. Я зналъ, что я погибъ. И то, что я сдѣлалъ сегодня вечеромъ, не только не усугубить моей гибели, но, можетъ-быть, даже спасти меня, если вообще какой-нибудь случай еще можетъ меня спасти...

Ванна. Значить вы пожертвовали ради меня очень немногимъ?

Принцивалле. Ничѣмъ. Я долженъ былъ сказать вамъ это... Мнѣ было бы неприятно купить ложью хотя бы одну вашу улыбку...

Ванна. Это хорошо, Джанелло, и это дороже какъ любви, такъ и всѣхъ ея доказательствъ. Теперь ты не долго будешь искать руки, избѣгавшей тебя. Вотъ она.

Принцивалле. Ахъ, я предпочелъ бы, чтобъ ее завоевала любовь... Но не все ли равно, въ концѣ концовъ... Она—моя, Джованна, я держу ее въ своихъ рукахъ, я люблю ее бѣлизной, вдыхаю ея жизнь, на краткій мигъ опьяняю себя слишкомъ сладкой мечтой; я чувствую ея теплую свѣжесть, беру ее, раскрываю, смыкаю, точно она сейчасъ отвѣтитъ мнѣ на волшебномъ и таинственномъ языкѣ влюбленныхъ; я осыпаю ее поцѣлуями и ты не отнимаешь... Значить, ты не сердишься на меня за жестокое испытаніе?

Ванна. Я сдѣлала бы то же самое; можетъ быть, лучше или хуже, будь я на твоёмъ мѣстѣ...

Принцивалле. Но когда ты согласилась притти въ мою палатку, ты знала, кто я?

Ванна. Никто не зналъ... О начальникъ вражьяго войска ходили странные слухи. Для однихъ ты былъ отвратительный старикъ; для другихъ же—юный принцъ изумительной красоты...

Принцивалле. Но развѣ отецъ Гвидо, видѣвшій меня, ничего не сказалъ тебѣ?

Ванна. Нѣтъ.

Принцивалле. Ты не спрашивала его?

Ванна. Нѣтъ.

Принцивалле. Но когда ты ночью беззащитная шла сюда отдаться неизвѣстному варвару, неужели твое тѣло такъ и не содрогнулось, твое сердце не затрепетало?

Ванна. Нѣтъ. Нужно было игти.

Принцивалле. А когда ты увидала меня, ты не поколесбалась.

Ванна. Развѣ ты не помнишь? Я сначала ничего не видѣла, ты былъ въ повязкѣ.

Принцивалле. Да, но потомъ, Джованна, когда я ее сдвинулъ.

Ванна. Тогда уже все было иначе, я вѣдь уже знала... А ты, когда ты увидѣлъ меня на порогѣ твоей палатки, какое намѣреніе было у тебя? Неужели ты такъ-таки и хотѣлъ воспользоваться чудовищнымъ бѣдствіемъ до конца?

Принцивалле. Ахъ, я самъ не зналъ, что хочу сдѣлать... Я чувствовалъ, что погибъ; я хотѣлъ все погубить... И я ненавидѣлъ тебя за мою любовь... Конечно, я испол-

нилъ бы свое намѣреніе, если бы это была не ты... Но всякая другая показалась бы мнѣ отвратительною. Даже тебѣ нужно было бы утратить сходство съ тѣмъ, чѣмъ ты была... Я окончательно теряюсь, когда думаю объ этомъ. Достаточно было одного слова, не похожаго на твои слова; довольно было одного жеста не такого, какъ твой; довольно было пустяка,—чтобы зажечь во мнѣ ненависть и разнуздать звѣря... Но едва я тебя увидѣлъ, я тутъ же увидѣлъ и то, что это невозможно.

Ванна. И я тоже увидѣла и больше не боялась тебя. Потому что мы поняли другъ друга безъ словъ. Это странно, когда я думаю... Я увѣрена, что я поступила такъ же, какъ ты поступилъ, еслибъ была, какъ ты... Иногда мнѣ кажется, что я на твоемъ мѣстѣ, что это ты меня слушаешь, что я сама говорю все, что ты мнѣ говоришь...

Принцивалле. Я тоже, Джованна, съ перваго же мгновенія почувствовалъ, что стѣна, отдѣляющая насъ отъ остальныхъ людей, становилась прозрачною, и я погружалъ въ нее свои руки, погружалъ въ нее свои взоры, какъ въ холодную волну, и отводилъ ихъ отъ нея озаренными свѣтомъ, осѣненными довѣріемъ и искренностью... Мнѣ казалось, что люди мѣнялись; что я ошибался въ нихъ до этого дня... Въ особенности же казалось мнѣ, что я самъ измѣнялся, что, наконецъ, я вышелъ изъ долгаго заключенія, что дверь раскрылась, что цвѣты и листья отодвинули засовы, что горизонтъ тотчасъ же унесъ каждый камень, что чистый воздухъ утра проникъ въ мою душу и омылъ мою любовь...

Ванна. Я тоже измѣнилась... Я была очень удивлена, что могу съ тобой говорить, какъ заговорила въ первую

минуту... Я очень молчалива... Я еще никогда не говорила такъ ни съ однимъ мужчиною, развѣ только съ Марко, отцомъ Гвидо... Но и въ сравненіи съ нимъ, это совсѣмъ другое... Къ тому же, у него тысячи мечтаній, всецѣло захватывающихъ его; да и говорили мы всего три или четыре раза... у остальныхъ же всегда страсть въ глазахъ которая не позволяетъ сказать имъ, что любишь ихъ, и что хотѣлось бы заглянуть имъ въ душу... И въ твоихъ глазахъ горитъ желаніе; но это не то; оно не внушаетъ отвращенія, оно не пугаетъ... Я сейчасъ же почувствовала, что знала тебя, хотя и не могла вспомнить, видѣла ли я тебя когда-нибудь.

Принцивалле. Могла бы ты полюбить меня, если бы моему злему жребію не угодно было, чтобы я вернулся, когда было уже слишкомъ поздно?..

Ванна. Если бы я могла сказать, что полюбила бы тебя, не значило бы это уже любить тебя, Джанелло? А ты знаешь, какъ и я, что это невозможно... Но мы бесѣдуемъ здѣсь, точно мы на пустынномъ островѣ... Если бъ я была одна на свѣтѣ, нечего было бы говорить... Но мы слишкомъ забываемъ, что другой страдаетъ въ то время, какъ мы сидимъ здѣсь, радуясь своему прошлому. Когда я уходила изъ Пизы, то горе Гвидо, дрожаніе въ голосѣ, блѣдность его лица... Я не могу больше ждать... Уже должно быть близко до зари, я спѣшу узнать все... Но я слышу шаги... Кто-то ходитъ у палатки: даже судьба добрѣ насъ... Кто-то шепчетъ у входа... Слушай... слушай... Кто это?

СЦЕНА IV.

Тъ же и Ведіо.

Слышны шептанье и быстрые шаги
подлѣ палатки, затѣмъ голосъ Ведіо.

Ведіо, снаружи. Господинъ!..

Принцивалле. Это голосъ Ведіо... Войди... Что случилось?

Ведіо, у входа въ палатку. Я бѣжалъ... Спасайтесь, господинъ... Пора... Мессеръ Маладурра, второй комиссаръ Флоренціи...

Принцивалле. Онъ же былъ въ Биббиенѣ...

Ведіо. Онъ вернулся... Съ нимъ шестьсотъ человѣкъ... Все флорентійцы... я видѣлъ, какъ они прошли... Лагерь волнуется... Онъ принесъ приказанія... Онъ объявляетъ васъ измѣнникомъ... Ищетъ Тривульціо... Боюсь, онъ найдеть его раньше, чѣмъ вы успѣете...

Принцивалле. Ступай, Джованна...

Ванна. Куда я должна идти?..

Принцивалле. Ведіо съ двумя надежными людьми проводятъ тебя въ Пизу...

Ванна. А ты? Куда ты пойдешь?..

Принцивалле. Не знаю... все равно... Миръ слишкомъ великъ, чтобы дать мнѣ пристанище...

Ведіо. Господинъ, будьте осторожны... они заняли всѣ окрестности города, и вся Тоскана кишитъ шпионами...

Ванна. Пойдемъ въ Пизу.

Принцивалле. Съ тобою?

Ванна. Да.

Принцивалле. Не могу.

Ванна. Ну, хоть на нѣсколько дней... Ты спасешься отъ первыхъ преслѣдованій...

Принцивалле. А что же сдѣлаешь твой мужъ?

Ванна. Онъ знаетъ такъ же, какъ и ты, что велитъ долгъ гостепріимства.

Принцивалле. А онъ повѣритъ тебѣ, когда ты скажешь?..

Ванна. Да. Если бъ онъ не повѣрилъ... Но это же невозможно...—Идемъ.

Принцивалле. Нѣтъ.

Ванна. Почему?—Чего ты боишься?

Принцивалле. Я боюсь за тебя.

Ванна. Миѣ грозитъ одинаковая опасность, одна ли я, или и ты со мною. За тебя надо бояться.—Ты только что спасъ Пизу; справедливость требуетъ, чтобъ она спасла тебя... Ты войдешь въ нее подъ моей охраной, и я отъѣчаю за тебя...

Принцивалле. Хорошо, я пойду съ тобою...

Ванна. Это — лучшее доказательство твоей любви... Идемъ...

Принцивалле. А твоя рана?

Ванна. Твоя гораздо серьезнѣе...

Принцивалле. Не безпокойся о ней... Не первая... Но твоя... Какъ будто кровь...

Онъ протягиваетъ руку, чтобы открыть ея плащъ.

Ванна, останавливая его руку и еще плотнѣе запахивая плащъ на шеѣ. Нѣтъ, нѣтъ, Джанелло... Мы больше не враги... Миѣ холодно...

Принцивалле. Ахъ, я чуть было не забылъ, что ты почти нагая въ такую-то ночь, и я, варваръ, пожелалъ этого... Вотъ въ этихъ сундукахъ я спряталъ для тебя свою военную добычу. Вотъ золотыя ткани, плащи...

Ванна беретъ первое попавшееся покрывало, закутываясь въ него.—Нѣтъ; этого покрывала достаточно... Я спѣшу спасти тебя... Идемъ... открой палатку...

Принцивалле въ сопровожденіи Ванны направляется къ входу и широко распахиваетъ пологъ. Глухой ропотъ, надъ которымъ возносится отдаленный торжественный звонъ колоколовъ, вдругъ врывается въ ночную тишь. Въ колеблющійся просвѣтъ палатки, на горизонтѣ, видна освѣщенная Пиза, вся въ огняхъ ликоваія, бросаая въ сумрачную лазурь исполинское свѣтлое зарево.

Принцивалле. Джованна, Джованна, смотри...

Ванна. Что это, Джанелло?—Ахъ, понимаю! Радостные огни, только что зажженные въ честь твоего дѣла... Ими усыпаны стѣны, валы въ пламени, колоколья пылаютъ, какъ счастливый факель. Всѣ башни озарены въ отвѣтъ звѣздамъ... Улицы образуютъ свѣтовые пути въ небесахъ... Я узнаю ихъ отблескъ; я слѣдую по нимъ въ лазури, какъ сегодня утромъ шла по плитамъ... Вотъ Піацца и ея огненный соборъ; и Кампо Сакро, выступающее въ видѣ острова тѣни... Точно заглошшая — было жизнь торопливо разгорается вновь, сверкаетъ вдоль факеловъ, отражается на камняхъ, выливается черезъ стѣны, наводняетъ окрестности, хлынула къ намъ встрѣчнымъ потокомъ и зоветъ насъ.— Слушай, слушай... Ты слышишь эти крики и безмѣрное

изступленіе, которое все растеть, точно морскія волны ворвались въ Пизу и гудѣніе колоколовъ, поющихъ, какъ въ день моей свадьбы? Ахъ, я слишкомъ счастлива, я вдвойнѣ слишкомъ счастлива, лицомъ къ лицу съ этимъ счастьемъ, которымъ я обязана тому, кто любилъ меня самой возвышенной любовью! — Приди ко мнѣ, Джанелло! Цѣлуй его въ лобъ.—Вотъ единственный поцѣлуй, который я могу тебѣ дать...

Принцивалле. Ахъ, моя Джованна! Онъ прекраснѣе всѣхъ, которыхъ ждала любовь!..—Но что съ тобой?.. Ты шатаешься?.. Ноги подкашиваются у тебя?.. Обопрись о меня.. Обойми рукой мою шею...

Ванна. Ничего... Я иду за тобой... Это головокруженіе... Я слишкомъ много положила на силы женщины... Поддержи меня, неси меня, только бы ничто не замедлило моихъ первыхъ счастливыхъ шаговъ... Какъ прекрасна ночь въ проблескѣ занимающейся зари! Скорѣе! Пора! Мы должны явиться прежде, чѣмъ погаснетъ свѣтъ радости...

Обнявъ другъ друга, уходятъ.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Залъ во дворцѣ Гвидо Колонны. Высокія окна, мраморныя колонны, портики, ковры и т. д. Налѣво, на второмъ планѣ, обширная терраса, на баллюстрадѣ которой—большія вазы съ цвѣтами; на террасу ведетъ изъ сада двойная лѣстница. Въ центрѣ залы, между колоннами, широкія мраморныя ступени, ведущія на ту же террасу; съ нея видъ на часть города.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Гвидо, Марко, Борсо и Торелло входятъ.

Гвидо. Я сдѣлалъ то, чего хотѣли вы, чего хотѣла она, чего хотѣли всѣ; теперь очередь моимъ желаніямъ. Я замолчалъ, скрылся, пританлъ дыханье, точно трусь, когда воры грабятъ его домъ... Я былъ благороденъ въ своемъ униженіи... Вы сдѣлали изъ меня добросовѣстнаго торгаша... Смотрите, свѣтаеть... До сихъ поръ я не сдѣлалъ ни шагу... Все взвѣшивалъ и подсчитывалъ свой позоръ.. Нужно было стоять на рынкѣ и оплачивать ваше

продовольствіе. Покупатель долженъ былъ извлечь барышъ изъ послѣднихъ минутъ этой благородной ночи! А это была не слишкомъ дорогая цѣна за такое количество хлѣба, скота, овощей!.. Теперь я заплатилъ все, и вы насытились... Теперь я свободенъ, я становлюсь снова господиномъ, я сбрасываю съ себя свой позоръ.

Марко. Сынъ мой, я не знаю, что ты хочешь сдѣлать, и никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ такую скорбь, какъ твоя... Никто также не въ силахъ облегчить ее; и это громадное счастье, которое возникло изъ нея, которое окружаетъ тебя со всѣхъ сторонъ, даже это счастье, я это хорошо понимаю, можетъ только усугубить горечь твоихъ первыхъ слезъ.. Теперь, когда нашъ городъ спасенъ, мы сами почти сожалѣемъ объ этомъ спасеніи, которое стоило тебѣ слишкомъ дорого. И мы невольно склоняемъ головы въ присутствіи того, который одинъ несправедливо несетъ всю тяжесть нашего спасенія... И все-таки, если бы вчерашній день наступилъ снова, мнѣ пришлось бы еще разъ дѣйствовать, какъ я дѣйствовалъ, намѣчать тѣ же жертвы и обречать ихъ на ту же несправедливость, потому что человѣкъ, который хочетъ быть справедливымъ, проводить всю свою жизнь въ печальномъ выборѣ между двумя-тремя неравными несправедливостями... Не знаю, что тебѣ сказать. Но если голосъ мой, который ты прежде любилъ, можетъ въ послѣдній разъ проникнуть въ то сердце, которое всегда ему внимало, прошу тебя, сынъ мой, не слѣдуй слѣпо первымъ побужденіямъ гнѣва и горя... Подожди, по крайней мѣрѣ, пока пройдетъ первый столь опасный часъ, вырывающій у насъ слова, которыхъ затѣмъ уже не вернешь. Джованна скоро вернется... Не суди ее сегодня,

не отталкивай никого, не дѣлай ничего, ничего непоправимаго... Все, что мы дѣлаемъ, что говоримъ въ минуты непосильнаго горя,—такъ естественно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ непоправимо. Джованна вернется, вся въ отчаяніи и счастливая. Не упрекай ее ни въ чемъ. Лучше не встрѣчайся пока съ нею, если ты не чувствуешь въ себѣ силъ говорить съ нею такъ, какъ говорилъ бы черезъ много дней послѣ ея возвращенія.. Намъ, бѣднымъ людямъ, являющимся игрой столькихъ великихъ вещей, нѣсколько промчавшихся мгновений приносятъ столько доброты, справедливости, мудрости!... И единственные слова, которыя слѣдуетъ принимать въ расчетъ и имѣть въ виду, когда несчастіе ослѣпляетъ насъ, это тѣ, что произносятся, понявъ, простивь и начиная любить снова.

Гвидо. Это все? Наконецъ-то! Больше нѣтъ времени для медовыхъ словъ; они никого уже не могутъ обмануть... Я далъ вамъ въ послѣдній разъ высказать все, что у васъ было; я хотѣлъ знать, что можетъ принести мнѣ ваша мудрость взаимнѣ моей жизни, которую она такъ безжалостно била... Такъ вотъ что она предлагаетъ мнѣ. Ждать, терпѣть, покориться, забыть, простить и плакать!.. Но нѣтъ!.. Этого слишкомъ мало!.. Я предпочитаю не быть благоразумнымъ; чтобы уйти отъ своего позора, мнѣ нужно кое-что побольше словъ... То, что я хочу сдѣлать, очень просто! Нѣсколько лѣтъ назадъ вы бы сами посоветовали мнѣ это. Одинъ человѣкъ завладѣлъ Джованной. И пока онъ живъ, Джованна не принадлежитъ мнѣ. Я придерживаюсь другихъ правилъ, чѣмъ тѣ, что управляютъ прилагательными и глаголами. Я—великій законъ, обязательный для всякаго человѣка, чье сердце живо.. У Пизы есть чѣмъ утолить

голодь и чѣмъ защищаться. Она получила боевые припасы; я требую себѣ свою законную долю. Съ этого дня ея солдаты принадлежатъ мнѣ: по крайней мѣрѣ, лучшіе, тѣ, которыхъ я набиралъ и которымъ плачу изъ своего кармана. Я ей больше ничего не долженъ; и беру назадъ свою собственность. Солдаты вернутся къ ней лишь послѣ того, какъ исполнять то, что я вправѣ требовать. Впрочемъ, вотъ что: Ванна.. я ей прощаю или прощу, когда тотъ погибнетъ... Она была обманута... Она была введена въ заблужденіе, чудовишно, но героически... Люди отвратительно воспользовались ея состраданіемъ и величіемъ ея души... Хорошо; это можетъ если не забыться, то по крайней мѣрѣ затеряться такъ далеко въ прошломъ, что любовь больше не отыщетъ этого... Но есть человѣкъ, на котораго я всегда буду смотрѣть не иначе, какъ со стыдомъ и ужасомъ... Есть здѣсь человѣкъ, единственнымъ назначеніемъ котораго было руководить и поддерживать благородное и великое счастье... Но онъ сталъ его врагомъ и разрушителемъ... И вы сейчасъ увидите нѣчто страшное, необычное и все-таки справедливое: вы увидите сына, который судитъ своего родного отца, проклинаетъ его, отрекается отъ него, прогоняетъ отъ себя, который презираетъ его и ненавидитъ...

Марко. Проклинай меня, сынъ мой, только прости ее. Если въ героическомъ поступкѣ, спасшемъ столько жизней, ты видишь непростительную вину, то вся эта вина падаетъ на меня, героизмъ же принадлежитъ другимъ... Я далъ хороший совѣтъ; но его легко было дать, потому что я не принималъ участія въ жертвѣ. Теперь, когда онъ отнимаетъ у меня то, что мнѣ всего дороже, онъ кажется мнѣ еще

лучше... Ты правильно разсудилъ, по своей совѣсти, какъ разсудилъ бы и я, будь я моложе... Я ухожу, дитя мое, ты больше не увидишь меня. Я понимаю, что тебѣ больно видѣть меня. Но я надѣюсь, что увижу тебя снова, хотя ты и не увидишь меня... Я ухожу безъ малѣйшей надежды дожить до того часа, когда ты простишь мнѣ причиненное тебѣ зло,—вѣдь и я жилъ, и я знаю, насколько медленно прощеніе осѣняетъ тѣхъ, кто, какъ ты, окруженъ жизнью... Я ухожу, не возбуждая ничьей зависти.. Такъ пусть у меня будетъ по крайней мѣрѣ увѣренность, что я уношу съ собой всю ненависть, всю злобу, и всѣ жестокія воспоминанія твоего сердца; пусть ничего не останется для той, кто скоро придетъ... Я еще буду просить тебя только объ одномъ... Позволь мнѣ въ послѣдній разъ увидѣть, какъ она упадетъ въ твои объятія... И я уйду, не жалуясь и не считая, что ты поступилъ несправедливо... Такъ и должно быть, чтобы среди человѣческихъ несчастій, самый старый бралъ на себя все, что можетъ взять; такъ какъ ему остается всего нѣсколько шаговъ, чтобы освободиться отъ бремени...

При послѣднихъ словахъ Марко доносится глухой и могучій шумъ. Когда онъ умолкаетъ, этотъ шумъ растетъ, близится, становится явственнѣе. Сначала — говоръ ожиданія, затѣмъ привѣтственные крики далекой, разступающейся толпы. Скоро изъ идущаго со всѣхъ сторонъ смутнаго гула вырѣзываются все явственнѣе тысячекратные крики.

Джованна! Джованна! Наша Монна Ванна! Слава Моннѣ Ваннѣ! Джованна! Ванна! Ванна!

Марко бросается къ портикамъ,
ведущимъ на террасу.

Это Джованна! Возвращается! Она тамъ... Они привѣтствуютъ ее. Привѣтствуютъ!... Слушайте!..

Борсо и Торелло идутъ за нимъ на террасу; Гвидо остается одинъ, прислонившись къ колоннѣ, и смотритъ вдаль. Къ концу этой сцены крики все растутъ и быстро приближаются.

МАРКО, на террасѣ. Площадь, улицы, деревья, окна— все покрыто головами, всюду машущія руки! Точно камни, листья, черепицы превратились въ людей!.. Но гдѣ же Джованна? Я вижу только какое-то облако... оно то раскрывается, то снова смыкается... Борсо, мои бѣдные глаза отказываются служить моей любви... Старость, слезы, страхъ ослѣпляютъ ихъ... Они не могутъ разыскать единственное существо, которое они ищутъ!.. Гдѣ она? Ты видишь? Съ какой стороны долженъ я пойти ей навстрѣчу?..

Борсо, удерживая его. Нѣтъ, не сходите внизъ... Толпа слишкомъ густа, она уже не въ силахъ сдерживать себя... Давить женщинъ, опрокидываетъ дѣтей... Да и бесполезно... Джованна будетъ здѣсь скорѣе, чѣмъ вы успѣете... Она приближается, вонъ она... Поднимаетъ голову, увидала насъ... Прибавила шагу, смотреть сюда, улыбается...

МАРКО. Вы ее видите, а я нѣтъ! Ахъ, мои несчастные, почти погасшіе глаза ничего не видятъ! Я впервые проклиная старость, открывшую мнѣ такъ много, но скрывающую отъ меня Джованну!.. Но если вы ее видите, скажите, какова она? Вамъ видно ея лицо?

Борсо. Она идетъ съ видомъ торжества... Она точно озаряетъ привѣтствующую ее толпу...

Торелло. Но кто это идетъ рядомъ съ нею?

Борсо. Не знаю... Я его не знаю... Лицо его закрыто...

Марко. Слышите, какое изступленіе!.. Весь дворецъ дрожить, и цвѣты въ большихъ вазахъ падаютъ на мраморную баллюстраду. Точно мраморныя плиты и ступени поднимаются подъ нашими ногами, чтобы нести насъ на встрѣчу разлившейся радости... Ахъ, я начинаю видѣть... Толпа подходитъ къ рѣшеткѣ... Я вижу, какъ она разступается на площади...

Борсо. Да, толпа разступается передъ Ванной по мѣрѣ того, какъ она идетъ впередъ, чтобы образовать для нея изгородь изъ восторга и любви... Къ ея ногамъ бросаютъ цвѣты, вѣтви пальмъ, драгоценныя вещи... Матери протягиваютъ дѣтей, чтобы она прикоснулась къ нимъ: мужчины припадаютъ къ землѣ, чтобы цѣловать камни, на которые ступила ея нога... Осторожнѣе... Толпа близится... Она уже не можетъ сдержатъ себя... Если она подыметъ на лѣстницу, она опрокинетъ насъ... Къ счастью, со всѣхъ сторонъ бѣжитъ стража и загораживаетъ входы... Я сейчасъ прикажу имъ отгнать толпу и запереть рѣшетки если еще не поздно...

Марко. Нѣтъ, нѣтъ. Пусть ихъ радость привольно разольется здѣсь, какъ она разлилась въ ихъ сердцахъ!.. Стоитъ ли думать о томъ, что они опрокидываютъ на пути своемъ, если ихъ радость такъ велика... Они слишкомъ много страдали, пусть радость освобожденія хлынетъ черезъ всѣ края!.. О, мой бѣдный, мой славный народъ! Я самъ

пьянью и ликую вмѣстѣ съ тобою! О, Джованна, моя Джованна. Не тебя ли я вижу на первой ступени?

Онъ бросается къ лѣстницѣ, чтобы бѣжать на встрѣчу Ваннѣ, но Борсо и Торелло удерживаютъ его.

Иди, иди сюда, Джованна! Они удерживаютъ меня... Они боятся радости!.. Иди, иди, Джованна! Ты прекраснѣе Юдиои и безгрѣшнѣе Лукреци!.. Иди, иди сюда! Иди по цвѣтамъ!

Подбѣгаетъ къ мраморнымъ вазамъ, рветъ цвѣты и пригоршнями бросаетъ ихъ на ступени лѣстницы.

И у меня есть цвѣты, чтобы привѣтствовать жизнь!.. И у меня есть лиліи, лавры и розы, чтобы увѣнчать славу!

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Тѣ же, Принцивалле, Ванна.

Крики становятся изступленнѣе. На верху лѣстницы появляется Ванна въ сопровожденіи Принцивалле и бросается въ объятія Марко. Толпа запруждаетъ лѣстницу, заполняетъ террасу, портики, но держится на нѣкоторомъ разстояніи отъ группы, которую образуютъ Ванна, Принцивалле, Марко, Борсо и Торелло.

Ванна, бросаясь въ объятія Марко. Отецъ, я такъ счастлива...

Марко, крѣпко цѣлуя ее. И я, дитя мое, потому что снова вижу тебя!.. Дай мнѣ взглянуть на тебя... Ты озарена болѣе лучезарнымъ сіяніемъ, чѣмъ еслибъ ты снизо-

шла изъ глубины этихъ небесъ, воспѣвающихъ твое возвращеніе... И ужасный врагъ не могъ отнять ни одного луча у твоихъ глазъ, ни одной улыбки у твоихъ устъ...

Ванна. Отецъ, я скажу вамъ... Но гдѣ же Гвидо?.. Я должна прежде всего снять тяжесть съ души его... Онъ еще не знаетъ...

Марко. Иди, Джованна, онъ тамъ... Иди... Меня онъ гонитъ; можетъ быть, это справедливо. Но тебѣ, тебѣ простать твою великолупную вину я хочу бросить тебя въ его объятія, чтобы мое послѣднее движеніе, мой послѣдній взглядъ засталъ васъ любящими другъ друга...

Въ это время Гвидо дѣлаетъ шагъ къ Ваннѣ. Она собирается что-то сказать и хочетъ броситься въ его объятія, но Гвидо рѣзкимъ жестомъ останавливаетъ ее и отталкиваетъ.

Гвидо, обращаясь къ окружающимъ отрывистымъ, рѣзкимъ, повелительнымъ голосомъ. Оставьте насъ!

Ванна. Нѣтъ, нѣтъ!.. Пойдите всѣ... Гвидо, ты не знаешь... Я хочу сказать тебѣ, я хочу сказать всѣмъ... Гвидо, я пришла назадъ чистая и никто не можетъ...

Гвидо, прерывая ее, отталкивая отъ себя и гнѣвно возвышая голосъ. Не подходи ко мнѣ! Не прикасайся!... Направляясь къ толпѣ, которая начала уже проникать въ залу и теперь отступаетъ передъ нимъ. Вы слышали?.. Я васъ прошу уйти и оставить насъ однихъ. Вы — хозяева у себя, а здѣсь я — хозяинъ. Борсо, Торелло, позовите стражу... А, я понимаю васъ!.. Послѣ большого праздника вамъ не хватаетъ еще зрѣлища... Но его не будетъ; оно — не для васъ, вы не достойны его... У васъ есть теперь мясо и вино; я заплатилъ за васъ всѣхъ, чего же вамъ еще? По меньшей мѣрѣ, я думаю,

меня можно оставить съ моимъ горемъ. Кажется, это—немного... Убирайтесь, ѣшьте! Убирайтесь, пейте!.. У меня—другія заботы; у меня остались слезы, которыхъ вамъ не видать... Уйдите прочь, говорить вамъ!.. Молчаливое движеніе въ толпѣ, она понемногу расходится. Кто тамъ медлитъ? Съ силой схватывая отца за руку. И вы! Прежде всѣхъ вы! Скорѣе остальныхъ, потому что это — ваша вина! Вы не увидите этихъ слезъ!.. Я хочу быть одинъ, болѣе одинокимъ, чѣмъ въ гробу, чтобы узнать, наконецъ, то, что я долженъ знать... Замѣтивъ Принцивалле, который все время оставался неподвижно на одномъ мѣстѣ. А вы? кто вы? что вы стоите, какъ закрытая статуя?.. Развѣ вы—позоръ или смерть, поджидающая людей? Развѣ вы не поняли, что надо уйти? Выхвативъ алебарду у одного изъ солдатъ. Что же, гнать мнѣ васъ ударами алебарды? Вы хватаетесь за свою шпагу?.. У меня тоже имѣется своя; только я прибѣгну къ ней для другого... Она теперь будетъ служить мнѣ только противъ одного человѣка; единственнаго... Противъ того... Но что это за повязка закрываетъ ваше лицо? Я не расположенъ забавляться маскарадомъ... Вы не отвѣчаете? Я увижу кто вы, погодите!..

Подходить, чтобы сорвать покровъ.
Ванна бросается между Принцивалле и Гвидо и останавливаетъ его.

Ванна. Вы не тронете его...

Гвидо, останавливаясь, изумленный. А, Джованна... Ты, Джованна! Откуда у тебя эта сила?..

Ванна. Онъ спасъ меня...

Гвидо. Вотъ какъ! Онъ спасъ тебя?.. Спасъ послѣ... Когда уже было поздно... Онъ сдѣлалъ прекрасное дѣло... Ему лучше бы...

Ванна лихорадочно. Дай же мнѣ сказать тебѣ, наконецъ!.. Гвидо, умоляю тебя... Съ перваго слова ты все узнаешь... Говорю тебѣ, онъ спасъ меня,—пошадилъ, встрѣтилъ съ уваженіемъ... Онъ не тронулъ меня... Онъ пришелъ сюда подъ моей защитой... Я дала мое слово, твое, наше слово... Подожди, пока твой гнѣвъ... Дай мнѣ все сказать... Онъ не сказалъ ни одного слова, не сдѣлалъ ни одного движенія, которыя не были бы...

Гвидо. Но кто же онъ? Кто?

Ванна. Принципвалле.

Гвидо. Кто?.. Онъ?.. Вотъ этотъ?.. Вотъ онъ — Принципвалле?

Ванна. Да, да. Онъ — твой гость... Онъ довѣряетъ тебѣ!.. Онъ нашъ спаситель...

Гвидо, послѣ мгновенія остолбенія, съ возрастающею силою и стремительностью, которыя не позволяютъ Ваннѣ прервать его. О, моя Джованна! Все это падаетъ, наконецъ, какъ чистая роса съ самаго неба небесъ! О, Джованна, Джованна! Ты — великая, и я люблю тебя, я, наконецъ, понимаю... Да, ты была права; разъ уже необходимо было это сдѣлать, надо было сдѣлать именно такъ... О, я понимаю твою хитрость, которая могущественнѣе его преступленія!.. Но я не зналъ, я не могъ предвидѣть... Другая убила бы его, какъ Юдиѳъ убила Олоферна... Но его преступленіе больше, чѣмъ преступленіе Олоферна и требуетъ высшей мести... Нужно было увести его! Нужно было привести его къ его жертвамъ, которыя будутъ его палачами... Какое блестящее торжество!.. Онъ шелъ за твоими поцѣлуями, покорный, кроткій, какъ ягненокъ идетъ за вѣткой цвѣтовъ!.. Развѣ могутъ что-нибудь значить поцѣлуи, когда цѣлуешь изъ ненависти... И вотъ онъ попался

въ ловушку... Да, ты была права; если бы ты его убила тамъ, въ палаткѣ, наединѣ съ нимъ, послѣ ужаснаго преступленія,—этого было бы мало; осталось бы сомнѣніе; его нельзя было бы увидѣть... Всѣ знали отвратительное условіе; теперъ всѣ должны узнать, какой цѣной расплачиваются за такое оскорбленіе нашей человѣческой природы... Но какъ тебѣ это удалось?.. Это—высшее торжество, какое только честь женщины... Ахъ, ты сейчасъ расскажешь имъ... Бѣжить на террасу и кричить изо всѣхъ силъ. Принципвалле! Принципвалле!.. Врагъ—въ нашихъ рукахъ!..

Ванна бѣжитъ за нимъ и стараясь удержать его. — Нѣтъ, нѣтъ; выслушай меня... Нѣтъ, Гвидо, умоляю тебя... Это не то... Нѣтъ, Гвидо, ты ошибаешься...

Гвидо, освобождаясь, удваивая крики. Оставь меня, ты увидишь... Должны всѣ знать... Призывая толпу. Теперъ вы можете, вы должны придти сюда... И вы, отецъ, чья голова, сдавленная этими двумя колоннами, слѣдить за моей судьбой, точно вы ждете, что явится какая то божественная сила и исправитъ зло, которое вы сдѣлали, и принесетъ намъ миръ!.. Вернитесь! Здѣсь миръ и великое чудо!.. Пусть даже камни слышать и видѣть то, что сейчасъ произойдетъ!.. Я больше не спрячусь, и мой позоръ все дальше отъ меня!.. Я уйду отсюда болѣе чистымъ, чѣмъ самые чистые, и болѣе счастливымъ, чѣмъ тѣ, кто ничего не терялъ!.. Теперъ вы можете громко привѣтствовать мою Джованну. И я привѣтствую ее вмѣстѣ съ вами и громче, чѣмъ вы всѣ... Вталкивая въ залу тѣхъ, которые толпятся на террасѣ. На этотъ разъ вы увидите зрѣлище!.. Есть справедливость! Ахъ! я это зналъ; но я бы не повѣрилъ, что часъ ся пробьетъ такъ скоро!.. Я думалъ искать ее годами, годами!

Я былъ готовъ всю свою жизнь подстергать ее всюду. На всѣхъ тропинкахъ, въ лѣсахъ, на дорогахъ. И вдругъ она— здѣсь, въ этой залѣ, предо мною, предъ нами, на этихъ ступеняхъ!.. Какое великое чудо сдѣлало это? Мы сейчасъ узнаемъ. Джованна совершила его!.. Справедливость пришла сюда, чтобы совершить свое дѣло... Береть Марко за руку. Вы же видите этого человѣка?..

Марко. Да, кто это?..

Гвидо. А вѣдь вы его видѣли уже раньше; вы говорили съ нимъ, вы—его услужливый посланецъ..

Принцивалле поворачивается къ Марко, тотъ узнаетъ его.

Марко. Принцивалле! Движеніе въ толпѣ.

Гвидо. Да, это онъ, онъ... Безъ всякаго сомнѣнія... Да подойдите ближе, поглядите, прикоснитесь къ нему, говорите съ нимъ. Можетъ быть, онъ принесъ какую-нибудь новую вѣсть?.. Конечно, это уже не тотъ блестящій Принцивалле; но я далекъ отъ состраданія... Чудовищной хитростью, неслыханной, онъ отнялъ у меня мое единственное достояніе на свѣтѣ, которое я не могъ отдать.. И вотъ, подъ властью справедливости или другой хитрости, которая прекраснѣе справедливости, онъ пришелъ сюда самъ—просить единственной награды, какую я могу ему дать... Развѣ я не вправѣ былъ обѣщать чудо! Подойдите, не бойтесь; онъ не уйдетъ.. Все-таки закройте двери! Противоположное чудо не должно отнять его у насъ!.. Но не будемъ трогать его сейчасъ же.. Мы побережемъ его для болѣе продолжительныхъ наслажденій.. Мои бѣдные братья! Онъ причинилъ вамъ столько мукъ, хотѣлъ умертвить васъ, онъ продалъ вашихъ женъ и дѣтей... Посмотрите, вотъ онъ...

Онъ—мой, онъ—вашъ, онъ—нашъ, говорю я вамъ! Но никого изъ васъ онъ не заставилъ такъ страдать, какъ меня... Скоро я отдамъ его вамъ... Моя Джованна привела его къ намъ, чтобы наша мечь изгладила нашъ позоръ! Обращаясь непосредственно къ толпѣ. Вы всѣ здѣсь, вы будете свидѣтелями... Нужно все выяснить. Вы хорошо поняли все чудо героизма?.. Этотъ человѣкъ овладѣлъ Джованной... Надо было покориться, вы всѣ хотѣли этого; вы продали ее... Я никого не проклинаю, сдѣлано—не вернешь... Къ тому же вы имѣли право предпочесть свою жизнь моему бѣдному счастью... Но что бы вы могли придумать для воскресенія любви при помощи того, что ее убиваетъ?.. Разрушить-то сумѣли,—нужно возсоздать!.. И Джованна сдѣлала это.. Она поступила лучше, чѣмъ Лукреція и Юдиень. Лукреція лишила себя жизни, Юдиень убила Олоферна... Ахъ, это слишкомъ просто, слишкомъ незамѣтно! Джованна никого не убила въ запертой палаткѣ,—она привела сюда живую жертву. И мы всѣ теперь загладимъ то позорное дѣло, въ которомъ приняли участіе... Какъ это ей удалось? Она сейчасъ расскажетъ...

Ванна. Да, а вамъ скажу; но это было совсѣмъ не то!..

Гвидо, перебивая Ванну и подходя къ ней, чтобы поцѣловать ее. Позволь прежде поцѣловать тебя, чтобы всѣ знали...

Ванна, съ силою отталкивая его. Нѣтъ, нѣтъ, еще рано! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, никогда, если ты не поймешь меня!.. Слушай, Гвидо... Теперь идетъ дѣло о чести, гораздо болѣе дѣйствительной, и объ иномъ счастьи, чѣмъ тѣ, которыя затуманили твой разумъ... Ахъ, я счастлива, что опять всѣ пришли сюда!... Можетъ быть, они поймутъ меня скорѣе,

чѣмъ ты... Слушай, Гвидо... Я только тогда приду въ твои объятія, когда ты узнаешь...

Гвидо, перебивая се и привлекая къ себѣ. Да, я узнаю, узнаю. Но прежде всего я хочу...

Ванна. Говорю тебѣ, выслушай меня!.. Я никогда не лгала, но сегодня я говорю самую глубокую правду, которую говорятъ лишь разъ, которая убиваетъ или даетъ жизнь... Слушай меня, Гвидо, и всмотрись въ меня, если до этого часа ты не видѣлъ меня, этого перваго и единственнаго часа, кагда ты могъ бы любить меня такъ, какъ я хочу быть любимой... Я говорю тебѣ сейчасъ во имя нашей жизни, во имя всего того, что—я для тебя, во имя всего, что ты—для меня. Найди въ себѣ силу повѣрить тому, что кажется невѣроятнымъ... Этотъ человѣкъ не обладалъ мною... Онъ могъ все сдѣлать, потому что меня отдали ему... Но онъ меня не тронулъ... И я вышла изъ его палатки такую, какою вышла бы изъ дома брата...

Гвидо. Почему?

Ванна. Потому что онъ меня любитъ...

Гвидо. Такъ вотъ что ты хотѣла сказать намъ... Вотъ въ чемъ чудо!.. Да, да, я въ первыхъ же словахъ услышалъ что-то, чего нельзя было понять... Но это была лишь молнія; я не обратилъ вниманія... Я подумалъ, что смущеніе и опьяненіе ужаса... Теперь я вижу, что необходимо яснѣе разобратъ въ этомъ... Голосъ его сразу дѣлается спокойнымъ. И такъ, ты была у него въ палаткѣ почти нагая, одна въ продолженіе цѣлой ночи—и этотъ человѣкъ не обладалъ тобою?..

Ванна съ силою. Нѣтъ!

Гвидо. Онъ не прикоснулся къ тебѣ, не цѣловалъ тебя:

Ванна. Я поцѣловала его одинъ лишь разъ, въ чело, и онъ отвѣтилъ мнѣ такимъ же поцѣлуемъ...

Гвидо. Въ чело! Погляди на меня, Джованна! Неужели я похожъ на человѣка, который вѣритъ, что звѣзды—зерна дикаго растенія, и что можно погасить луну, плюнувъ въ колодезь... Какое приключеніе... Ахъ, я не хочу сказать... Не хочу еще погубить насъ безвозвратно.. Я не понимаю, какая у тебя цѣль... Или, можетъ быть, безуміе отъ ужасовъ этой ночи омрачаетъ твой разумъ или мой?

Ванна. Это не безуміе, это—правда.

Гвидо. Правда?.. Великій Боже! Но, вѣдь, я только ее и ищу!.. Но она должна бы быть мало-мальски доступной человѣческому пониманію. Какъ?.. Человѣкъ желаетъ тебя до такой степени, что измѣняетъ родинѣ, отдастъ все, что у него есть, за одну ночь, губить себя навсегда, губить низко, подло, дѣлаетъ то, чего никто еще никогда не дѣлалъ и лишаетъ себя пристанища на землѣ!—Какъ?.. Человѣкъ держитъ тебя, одну и нагую, въ своей палаткѣ, имѣетъ въ своемъ распоряженіи только одну эту ночь, купленную такую цѣной, этотъ человѣкъ довольствуется поцѣлуемъ въ лобъ и приходитъ сюда заставить насъ повѣрить этому!.. Нѣтъ, надо быть справедливѣе и не издѣваться такъ долго надъ несчастіемъ... Если ему нужно было только это, зачѣмъ ему было погружать цѣлый народъ въ ужасы этой ночи, зачѣмъ было подвергать меня такимъ пыткамъ, изъ которыхъ я вышелъ почти безумнымъ, постарѣвшимъ на десять лѣтъ?... Если ему былъ нуженъ только поцѣлуй въ лобъ, онъ могъ бы спасти насъ безъ этихъ мученій! Ему стоило только явиться къ намъ богомъ-освободителемъ... Нѣтъ, не такъ

ребують и готовятъ поцѣлуй въ лобъ!.. Правда— въ нашихъ горестныхъ крикахъ и въ нашемъ отчаяніи... Нѣтъ, я не—судья; потому что оно—мое дѣло, и все мнѣ въ немъ темно... Пусть судятъ другіе и отвѣтятъ за меня!.. Обращаясь къ толпѣ. Вы слышали?.. Не знаю, почему она сказала это... Но вотъ что она сказала. Судите же... Вы-то, вѣдь, должны ей вѣрить, потому что она спасла васъ... Скажите же, вы ей вѣрите?.. Всѣ, кто вѣритъ, пусть выйдутъ изъ толпы и подойдутъ сюда, чтобы опровергнуть то, что говоритъ человѣческій разумъ... Я хотѣлъ бы поглядѣть на нихъ, узнать, какіе они.

Одинъ лишь Марко отдѣляется отъ толпы; въ ней слышенъ лишь робкій, невнятный шепотъ.

МАРКО, бросаясь на средину сцены. Я вѣрю ей!

Гвидо. Вы—ихъ соучастникъ!.. Но другіе, другіе?.. Гдѣ же тѣ, кто вѣритъ?.. Ваннѣ. Ты ихъ поняла?.. Тѣ, которыхъ ты спасла, боятся смѣха, который наполнилъ бы залу; даже тѣ, которые что-то шепчутъ, не осмѣливаются выйти впередъ.... А я, я долженъ повѣрить?..

Ванна. Они не обязаны вѣрить мнѣ; но ты... развѣ ты любишь...

Гвидо. Да, развѣ я люблю тебя, то долженъ быть глупцомъ?.. Нѣтъ, нѣтъ, послушай... Голосъ у меня уже не тотъ... Мой гнѣвъ унимается... Это же надрыгаетъ силы; я вдругъ начинаю стариться... Гнѣвъ умолкаетъ во мнѣ... Нѣтъ, нѣтъ, на его мѣсто является нѣчто другое... Дряхлость, безуміе... Я еще не знаю... Ищу, осматриваюсь, ощупью разбираюсь въ себѣ самомъ, чтобы уловить то, что осталось отъ моего печальнаго счастья.. У меня только

одна надежда... она мнѣ кажется такой хрупкой, что я не рѣшаюсь прикоснуться къ ней... Одно слово можетъ уничтожить ее и все же крайне необходимо, чтобы случай... Джованна, я сдѣлалъ большую ошибку, призвавъ толпу, прежде чѣмъ узнать... Я упустилъ изъ виду стыдъ, которому нельзя было говорить... ты не рѣшаешься сказать имъ, что чудовище обладало тобой... Да, мнѣ нужно было подождать, пока мы не останемся совсѣмъ одни.. Ты бы мнѣ открыла грязную истину... Но, увы, я уже знаю ее, знаютъ и другіе! Зачѣмъ же скрывать ее, Джованна? Слишкомъ поздно.. теперь-то ужъ нужно... Нужно, чтобы стыдъ восторжествовалъ надъ самимъ собою.. Ты не будешь упрекать меня... ты тоже поймешь... Въ подобныя мгновенія разумъ больше не знаетъ....

Ванна. Смотри на меня, Гвидо. Въ этотъ послѣдній взглядъ я вкладываю всю свою силу, всю свою честность, все, чѣмъ я обязана тебѣ.. Это не стыдъ, а истина... Этотъ человѣкъ не прикоснулся ко мнѣ...

Гвидо. Хорошо, хорошо, очень хорошо... Мнѣ ничего не остается... Теперь я знаю все... Да, это—истина, вернѣе—это любовь.. Теперь я понимаю... Ты хотѣла спасти его... Я не знаю, что могла сдѣлать одна ночь съ женщиною, которую я такъ любилъ... Но не такъ слѣдовало спасти его... Возвышая голосъ. Выслушайте меня, всѣ! Въ послѣдній разъ!.. Я хочу дать клятву!.. Я еще удерживаю себя у края какой-то бездны!.. У меня еще есть минута, прежде чѣмъ раскроются мои руки... Я не хочу погубить ее.. Вы слышите меня?.. У моего голоса нѣтъ больше силъ. Если нужно, подойдите ближе... Вы видите эту женщину и этого мужчину? Нѣтъ сомнѣнія, они любятъ другъ друга... Такъ вотъ! Помните;—я взвѣшиваю каждое свое слово

лакъ же осторожно, какъ взвѣшивають лѣкарство у постели умирающаго.—Они уйдутъ отсюда, съ моего согласія, свободно, безъ обиды, не испытавъ никакого зла; и они возьмутъ съ собою все, что захотятъ... Разступитесь передъ ними, если хотите, бросайте къ ихъ ногамъ цвѣты... Они пойдутъ туда, куда любовь поведетъ ихъ безуміе... Но пусть только эта женщина скажетъ мнѣ правду, единственное, что еще возможно, единственное, что я еще люблю въ ней и что она должна дать мнѣ въ обмѣнъ за все, что я ей даю... Ты поняла, Джованна? Этотъ человѣкъ обладалъ тобой? Да или нѣтъ?.. Отвѣчай. Вотъ все, что я хочу... Я не испытываю тебя, не строю ловушку. Я поклялся. Они всѣ—свидѣтели...

Ванна. Я сказала правду... Онъ не прикоснулся ко мнѣ...

Гвидо. Хорошо! Вы произнесли свой приговоръ. Вы осудили его... Больше нечего дѣлать. Теперь моя очередь... Приближаясь къ стражѣ и указывая на Принцивалле. Этотъ человѣкъ принадлежитъ мнѣ. Возьмите его, свяжите; спуститесь съ нимъ въ самыя глубокія подземелья подъ этой залой... Я спущусь туда вмѣстѣ съ вами. Ваннѣ. Вы больше не увидите его. А я вернусь сказать вамъ послѣднюю правду, которая скоро откроется въ его послѣднихъ словахъ...

Ванна, бросаясь къ стражѣ, схватившей Принцивалле. Нѣтъ, нѣтъ! Онъ—мой... Я солгала! Солгала! Онъ обладалъ мною! Обладалъ! Отстраняя стражу. Отойдите!.. Не отнимайте у меня мою добычу... Онъ принадлежитъ только мнѣ... Я хочу, чтобы только мои руки!.. Подло, гадко, — онъ обладалъ мной! Обладалъ мной!..

Принцивалле, стараясь заглушить ея слова. Неправда! Неправда! Она лжетъ, чтобы спасти меня; но никакая пытка...

Ванна. Молчите. Обращаясь къ толпѣ. Онъ бонится!.. Подходя къ Принцивалле, какъ будто для того, чтобы связать ему руки. Дайте же мнѣ веревки, цѣпи, кандалы!.. Теперь, когда моя ненависть нашла себѣ выходъ, я его сковываю, я его выдаю. Тихо Принцивалле, связывая ему руки. Молчи!.. Онъ спасаетъ насъ!.. Молчи, онъ насъ соединяетъ... Я—твоя, я люблю тебя!.. Дай только сковать тебя... Я верну тебѣ свободу!.. Я буду сторожить тебя... Мы убѣдимъ!.. Кричить, точно хотеть заставить Принцивалле замолчать. Замолчите!.. Обращаясь къ толпѣ. Онъ шепотомъ умоляетъ меня... Открывая лицо Принцивалле. Посмотрите на это лицо!.. На немъ еще слѣды этой омерзительной ночи... Открывая плащъ на своемъ окровавленномъ плечѣ. И у меня остался слѣдъ... Ужасная ночь любви... Смотрите это — всѣ!.. Какъ онъ мерзокъ, какъ жалокъ!.. Замѣтивъ, что стража хотеть увести Принцивалле. Нѣтъ, нѣтъ, оставьте его мнѣ... Онъ—моя добыча. Я хочу, чтобы она принадлежала только мнѣ... Держите его... Смотрите за нимъ... Видите, онъ хотеть бѣжать!

Гвидо. Зачѣмъ онъ пришелъ сюда?.. Зачѣмъ ты лгала?

Ванна, колеблясь, не находя словъ. — Я лгала... Не знаю... Я не хотѣла сказать... Слушай теперь... Да, да, теперь ты поймешь... Мы не знаемъ, что дѣлаемъ... Всего нельзя предвидѣть... Когда я шла туда, нѣтъ, я не думала объ этомъ... Но такъ складывается... Да, да, ты сейчасъ узнаешь. Завѣса разорвана!.. Тѣмъ хуже для твоей скорби; ты самъ этого хотѣлъ... Я боялась за тебя... Я боялась за любовь и ея отчаяніе... Теперь ты самъ хочешь... Хорошо. Я скажу тебѣ... Болѣе спокойнымъ и увѣреннымъ голосомъ. Нѣтъ, нѣтъ, тѣхъ намѣреній, о которыхъ ты говоришь, у меня не было... Я не вела его къ палачамъ, чтобы отомстить ему сообща...

Руководившая мною мысль была не такъ прекрасна, но въ ней было больше любви къ тебѣ... Я хотѣла привести его къ ужасной смерти; но въ то же время я хотѣла, чтобы постыдная память объ этой постыдной ночи не тяготѣла надъ тобой до конца нашихъ дней... Я бы отомстила одна въ тиши... Я убивала бы его медленно, постепенно, пока кровь его, падая капля за каплей, не смыла бы его преступленія... Ты никогда не узналъ бы отвратительной правды; чудовищное воспоминанье не встало бы между нами нѣжными поцѣлуями... Сознаюсь, я боялась, что, увидѣвъ это лицо, ты перестанешь меня любить... Я была безумная, я знаю; я требовала слишкомъ много... Я хотѣла невозможнаго... Но ты все поймешь... Обращаясь къ толпѣ. Такъ какъ мы дошли до этого и разъ ужъ поздно беречь любовь, то нужно понять... Я должна все сказать, вы и будете моими судьями... Вотъ что я сдѣлала. Этотъ человекъ овладѣлъ мною низко, гадко, я уже сказала это... Я хотѣла его убить. Мы стали бороться. Но онъ обезоружилъ меня. Тогда у меня мелькнула мысль о мести болѣе глубокой, — и я улыбнулась ему... Онъ повѣрилъ моей улыбкѣ... Ахъ, мужчины—безумцы!.. И хорошо, что ихъ обманываютъ!.. Они обожаютъ ложь!.. Когда предъ ними раскрываютъ жизнь, они думаютъ, что это смерть! Когда имъ протягиваютъ смерть, они принимаютъ ее за жизнь!.. Онъ думалъ, что завладѣлъ мною, а между тѣмъ я завладѣла имъ!.. И вотъ онъ въ гробу, и я замкну его... Пришлось вести его сюда, осыпая поцѣлуями, какъ кроткаго агнца... Онъ въ моихъ рукахъ, изъ нихъ ему не вырваться... Мой прекрасный Принцивалле! Насъ еще ждутъ поцѣлуи, какихъ никто не знаетъ...

Гвидо, приближаясь. Джованна!

Ванна.—Погляди на него вблизи!.. Онъ былъ полонъ надежды. Онъ сразу повѣрилъ мнѣ, когда я сказала ему: Принцивалле, я люблю тебя. Ахъ, онъ пошелъ бы за мною вглубь самого ада... Я цѣловала его, вотъ такъ... Горячо цѣлуетъ его. Джанелло, я люблю тебя... Отвѣтъ же на мои поцѣлуи!.. Только они имѣютъ цѣну... Обращаясь къ Гвидо. Онъ опять отвѣчаетъ на нихъ... Ахъ, смѣхъ и ужасъ такъ близки другъ отъ друга... Теперь онъ—мой! Господи!.. Онъ мой предъ Богомъ и людьми!.. Я хочу его, и онъ будетъ мой!.. Это—награда за ту ночь, и какая блестящая награда... Она шатается и хватается за колонну... Смотрите, я падаю... Во мнѣ слишкомъ великая радость... Задыхаясь. Отецъ, я отдаю его вамъ, пока мои силы... Пусть его уведутъ, прежде чѣмъ... Пусть выберутъ темницу, такую глубокую темницу, чтобы никто не могъ... А ключъ будетъ у меня... Ключъ будетъ у меня... Сейчасъ же принесите его... Чтобы никто не прикасался къ нему... Это моя добыча, моя, и я хочу, чтобы она была моею безраздѣльно... Гвидо, онъ принадлежитъ мнѣ!.. Дѣлая шагъ къ Марко. Отецъ, онъ принадлежитъ мнѣ, и вы отвѣчаете за него... Пристально глядя на Марко. Отецъ мой, вы поняли? Вы — его сторожъ, пусть тѣнь обиды не коснется его лица, чтобы его вернули мнѣ такимъ, какимъ я отдаю... Принцивалле уведятъ. Прощай, мой Принцивалле... Ахъ, мы еще увидимся...

Гвидо среди солдатъ, которые грубо уведятъ Принцивалле, Ванна вскрикиваетъ, пошатывается, и падаетъ на руки къ полбѣжавшему поддержать ее Марко.

МАРКО, очень быстро, вполголоса, наклонясь къ Ваннѣ. Да, я понялъ, Джованна... Я понялъ твою ложь... Ты сдѣлала невозможное... Это справедливо и въ то же время несправедливо, какъ все, что мы дѣлаемъ, и жизнь оправдана... Прийди въ себя, Джованна... Надо еще мгать, потому что намъ не вѣрятъ... Зоветь Гвидо. Гвидо, она зоветъ тебя... Она приходитъ въ себя...

Гвидо, подбѣгая и обнимая Ванну. Моя Джованна!.. Она улыбается... Джованна, отвѣть мнѣ.. Я никогда не сомнѣвался... Теперь все кончено, и все забудется въ порывѣ взыскающаго мщенія... Прошлое—дурной сонъ...

Ванна, открывая глаза, очень слабымъ голосомъ. Гдѣ онъ?.. Да, знаю... Но дайте мнѣ ключъ отъ тюрьмы... Я не хочу, чтобы другіе...

Гвидо. Сейчасъ придетъ стража... Передастъ тебѣ ключъ...

Ванна. Я хочу, чтобы онъ былъ у меня одной, чтобы я была увѣрена... Чтобы никто другой... Да, это былъ дурной сонъ... Теперь начнется прекрасный сонъ!.. Начнется прекрасный сонъ!

Занавѣсъ.